

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Антон
КРАСНОВ

[**ЛЕННАР**
СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ]

Антон Краснов
Роман Валерьевич Злотников
Сквозь Тьму и... Тьму
Серия «Леннар», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137924

Сквозь Тьму и... Тьму: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-070694-5, 978-5-271-31507-7

Аннотация

«СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ» – первый роман фантастического цикла «Леннар».

Отправляясь на ярмарку в Ланкарнак, Ингер и не думал о том, какими неприятностями обернется для него эта поездка. Потому что если с тобой, простым кожевенником, желает потолковать сам Ревнитель Храма Благолепия, добра не жди. А если Ревнитель выспрашивает, не видел ли ты чего необычного в родной деревенской глуши, – унести бы ноги. Ингер ноги унес, вот тут и началось то самое необычное. Ведь в Проклятый лес никто не ходит и уж точно не выходит оттуда. Но один человек все же вышел. И Ингер его подобрал. И очень быстро выяснилось, что найденыйш не помнит, откуда взялся, зато небывало искусен в ремеслах, ловок в драке и тот еще безбожник. Не иначе как с неба свалился...

Содержание

Пролог	4
1	74
2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Антон Краснов, Роман Злотников Сквозь Тьму и... Тьму

Пролог

Несколько моментов из истории одного великого строительства

*ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ АВИ (АКАДЕМИИ
ВНЕПЛАНЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ), ДЕПАРТАМЕНТ
КОСМОЭСХАТОЛОГИИ,*

*выборка из сообщений, код 16-10077 (10 год циклического
века Алой звезды; код века – 27,10)*

«...Приблизительный срок до вхождения нашей планетной системы в катастрофогенную область около пятнадцати лет, плюс-минус два года. При взаимодействии гравитационных полей двух сближающихся планетных систем плотность метеоритных потоков будет усиливаться и впредь, пока не достигнет критической отметки. Плотность поражения метеоритными потоками может составить <<...>> Это означает ПОЛНОЕ разрушение наземных строений, коммуникаций, дорог, а также оборонительных комплексов вплоть до

третьей степени защиты НА ВСЕЙ территории планеты.

<<...>> Согласно расчетным данным под внешним воздействием ИЗ КОСМОСА изменится структура океанских приливов и отливов, а равно и активизируются тектонические процессы, протекающие в недрах нашей планеты. Приблизительно через двадцать лет после достижения плотности <<...>> на поверхности коры Леобеи, в данный момент насчитывающей на своей поверхности сорок восемь действующих вулканов, плюс сто два (по уточненным данным) на дне океанов, откроется более полутора тысяч новых жерл... Количество землетрясений возрастет в семь и три на десять во второй степени раз, из них уровня девять – одиннадцать *либбов* – не менее чем в шесть и пять на десять в третьей степени раз.

<<...>> давно уже следует признать ситуацию катастрофической, а перспективы спасения цивилизации на территории планеты Леобея – НУЛЕВЫМИ. Единственный выход, который еще возможно, допустимо и целесообразно усмотреть в нашем положении, – это ПОЛНАЯ ЭВАКУАЦИЯ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ планеты. Возможность таковой, по оценкам академии, представляется вполне реальной, если придать данному проекту общепланетный характер и сосредоточить на его выполнении подавляющее большинство ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении. Учитывая накопленный нашей цивилизацией значительный технологический опыт, в частности в строительстве сети подводных го-

родов, можно констатировать, что постройка кораблей, способных взять на борт ВСЕ население Леобеи, составляющее, по данным последней идентификации личного состава, три миллиарда двести пятнадцать миллионов сто сорок тысяч пятьсот два человека (3.215.140.502), представляется вполне обоснованной...»

*ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ КУПОЛА. ПРЯМАЯ
ТРАНСЛЯЦИЯ ИЗ ККАНОАНА (15 год века Алой звезды;
27,15);*

*из выступления предстоятеля Купола, наместника Неба
Зембера XV на открытом соборе высших священнослужителей*

«— ...Я и весь клир Храма молимся и просим Небо отвратить гнев и спасти своих неразумных детей от страшной трагедии, которую навлекли на наши головы немногие неразумные — *те*, что закоснели в своей гордыне... Действия этих людей, называющих себя *учеными*, претят всем нам, истинно верующим. Известно, что правительства ряда государств, влиятельных держав, сквозь пальцы смотрят на осуществляющееся на наших глазах возмутительное и опасное для всего человечества деяние!.. Псевдоученые объявили, что спастись от приближающейся беды, от Дня Гнева, можно только с помощью постройки каких-то несоразмерно огромных кораблей, на которых мы должны оставить нашу родину! Оставить?! Вот до каких слов, вот до каких устремлений мы до-

жили! Боги и Небо вручили нам эту благословенную землю, и мы должны оставаться здесь столько, сколько это угодно богам! А для того чтобы с неба не падали камни, чтобы земля не разверзалась под нашими ногами и не плевалась огнем, как то происходит все чаще, нужно соблюдать *чистоту* веры. Вера, и только она, а вовсе не гигантские нагромождения Скверны, которые коптят небо где-то там, над нашими головами, кружась над нашими землями в черной безвоздушной пустоте... (*нетвердо*) н-на орбите п-планеты.

Мы знаем, что нужно для того, чтобы заслужить прощение! Перво-наперво – отказаться от всего, что ввели в нашу жизнь эти изобретатели (*презрительно*) и им подобные безумцы. Нужно вернуться к простоте предков, отринуть всю Скверну, привнесенную так называемой цивилизацией, и возвратиться к чистому образу жизни наших пращуров!.. Наши ноги отвыкли от ходьбы, наши руки отвыкли от работы и уж тем более от вознесения оберегательных знамений Куполу, наши глаза не желают смотреть на мир иначе, чем через плазменные экраны наших домашних информонакопителей или через черную полосу полантов, приборов, которые развязно именуют Голосом Неба!

При этих словах Верховный сорвал с головы свой персональный полант и швырнул себе под ноги. Затем он возвысил голос так, что его слова загремели под сводами святого Купола:

– Назад, к чистоте предков, братья, если мы только хотим

спасти! Низвергнем Скверну! Назад, к простым одеждам, к кострам, на которых жарят пищу, к лошадям, ослам и собакам, которые служат нам, истинно верующим, куда лучше и преданнее, чем эти проклятые Небом техногены! (*Вознося обе руки.*) Неужели древние зря писали свои мудрые предостережения, что легли в основу святой религии Купола?!»

ЗАПИСЬ КАМЕР СЛЕЖЕНИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ КУПОЛА. МАЛЫЙ ЗАЛ СОВЕТА (15 год века Алой звезды; 27,15)

«— ...А я вам говорю, братья, что это чудовищный заговор. Вот, мне подготовили выборку... Взгляните, подобные периоды, когда небесные камни начинали сыпаться на Леобею с гораздо большей частотой, наступали не раз. Последний такой период был всего лишь триста двадцать лет назад и продолжался... Как вы думаете, сколько?..

— Сколько?

— Около пятнадцати лет! А теперь вспомните, какое время руководители этого богомерзкого проекта отвели на его воплощение?

— Так вы считаете...

— Более того, достойнейший Асмоарал, один из немногих представителей богомерзкой касты, именующей себя учеными, сохранивший веру предков и должествующее уважение к Куполу, отчего вынужден терпеливо сносить нападки и ущемления со стороны остальных... Так вот, достойнейший

Асмоарал утверждает, что все их так называемые корабли совершенно не предназначены ни для какого межзвездного перелета. Просто потому, что их так называемые двигатели не способны ничего и никуда сдвинуть.

– Но этот молодой Леннар говорил...

– Достойнейший Асмоарал утверждает, что этот молодой Леннар не кто иной, как выскочка и невежда! Кто бы мог подумать, что принц правящего дома Эррии, одного из государств – столпов божественной веры, в предпринимаемых им попытках доказать своему дядюшке, что он не пропадет без его благословения и семейного капитала, зайдет ТАК далеко!

– Но ЗАЧЕМ? Зачем все это? Ведь Алтурия, Илари, Контуррия, Свон-до-Крамм и та же Рессина несут на себе основное бремя строительства. Зачем такие расходы, лишения? Во имя чего? Что они выиграют от этого чудовищного обмана?

– Это же совершенно ясно! Они хотят окончательно избавиться от всяческих пут веры!

– Но... как?

– О-о-о, это будет проделано изуверски изощренно. Они собираются действительно переместить всех жителей Леобеи на свои богомерзкие конструкции, то есть в место, где ОНИ САМИ будут устанавливать порядки. Как вы думаете, позволят ли они нам ТАМ, НАВЕРХУ, нести свои проповеди испуганным, опустошенным и выбитым из колеи Вели-

ким переселением людям или решат сами змеей влезть в их души, отвергая и НАГЛЯДНО опровергая постулаты древней веры? Я недавно узнал, что все челноки, на которых они собираются переправлять население с поверхности Леобеи, ИМЕЮТ ОКНА!!! И как, после того что люди в них разглядят, вы будете проповедовать им догмат Контура Неба?

– Но-о... можно потребовать, чтобы эти богомерзкие окна...

– Не смешите меня, ваше преосвященство. Даже если они и согласятся убрать окна, то придумают что-нибудь еще, какие-нибудь богомерзкие экраны... да и разве дело только в этих окнах? Вы представляете, ЧТО там будет твориться? И что станет не только с нашей паствой, но и с большинством младшего клира? Среди них и так начинаются разброд и шатание...

– И... что же нам делать?

– Что?

– Да, что?

– Я собрал вас именно для того, братия, чтобы мы укрепились духом и решились противостоять этому в высшей степени богомерзкому обману! Мы должны противостоять ему везде и всюду, возвышая свой глас и отказываясь от любого сотрудничества, противостоя ему тайно и явно, духом и силой!

– И силой? Разве мы можем?.. Ведь всем нам... и вам, ваше преосвященство, в первую очередь... хорошо известно,

что вооруженные силы Лирака и его столицы Кканоана, да и других государств Лиракского пояса, слишком уступают...

– Верно, но когда я говорил о силе, я говорил не только о наших военных, кои, конечно, превосходят духом и волей всех этих изнеженных солдат Алтурии и остальных, но сильно уступают им в оснащении и вооружении. К тому же наши трусливые светские власти, в ведении которых и находятся наши вооруженные силы, никогда не рискнут бросить вызов тем же алтурийцам... Я говорил о других. О людях, вооруженных верой и чистотой помыслов, силой духа и тела, о наследниках древней силы нашей веры...

– Вы собираетесь возродить Ревнителей? Но орден Ревнителей объявлен вне закона...

– Да! Но КЕМ? Это они, проклятые алтурийцы, вкуче со своими прихлебателями из Контуррии и Свон-до-Крамма заставили нас после поражения в дэгмайском конфликте распустить Ревнителей и объявить орден вне закона. Так пусть они сегодня подавятся своим высокомерием...»

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КАНАЛ «ГАБОРЕЯ-454» ГОСУДАРСТВА ИЛАРИ; ГРАПП, ВЕДУЩИЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ (18 год века Алой звезды; 27,18)

«Сложно порой представить, что овладение высочайшими скоростями и точностями, создание нанотехнологий и разработка восьми магистральных постулатов гравитации – что все это в наш век соседствует с самыми что ни на есть

пещерными, дикими, мракобесными воззрениями в отношении нашего мира, стремительно меняющегося, и, увы, не в лучшую сторону, и людей, его населяющих. Леобейцы, которые всегда считали себя людьми высокоразвитыми, богатыми духовно, с иронией смотрящими на остаточные проявления ветхозаветных преданий о „Проклятии Неба“, вдруг оказались в плену топорных, психологически примитивных стереотипов. Столько людей как-то сразу и вдруг поверили в то, что учащающиеся случаи падения на планету достаточно крупных „небесных камней“, вызывавших локальные катастрофы разных масштабов, есть не что иное, как... проявление НЕБЕСНОГО ГНЕВА. Это все равно как если бы взрослый, умный человек, обладатель высшего *кодификационного отличия*, вдруг оставил все свои прежние занятия и принялся играть в камешки, всякий раз моля богов о выигрыше и слезно сетуя в случае проигрыша! (*Ведущий нервно смеется в студии.*) Ну что же, мы пригласили к нам в эфир известного человека, которого уже можно не представлять. Еще не так давно он был никому не известным молодым ученым, знакомым разве что узким специалистам либо внимательным любителям желтой прессы. Теперь его имя знают все. Господин Леннар, один из руководителей строительства грандиозных звездолетов класса «Галактик-А». Напомню, что это строительство – первый этап проекта «Врата в бездну». Вне всякого сомнения, данный проект – событие, наиболее обсуждаемое в настоящий момент во всех го-

сударствах Леобейского союза. Итак, в нашей студии – Леннар из... э-э... Второй координатор великого строительства! Раньше он работал на Алтурийских верфях проектировщиком каботажных челноков,¹ а теперь перешел к несравненно большим масштабам! Приветствую, Леннар. И сразу вопрос: как вышло, что ваши благородные начинания, развернувшиеся в работы неслыханного размаха, вдруг стали мишенью для религиозных фанатиков из государств Лиракского пояса? Известно, что они говорят: да, катастрофа грядет, и неминуемо, но не потому, что таковы законы небесной механики, а потому, что «грязные ученые» – и вы, Леннар, в том числе, – забыли заветы предков. Посмели «потревожить небеса», как они выражаются. Дескать, поэтому надо просто уничтожить «осквернителей» и их пособников и покаяться, и все вернется на круги своя. Боги *простят* послушников и отвратят катастрофу. Вы, как человек непосредственно касающийся сути проблемы, расставьте все акценты куда лучше стороннего наблюдателя и аналитика.

Леннар. Я думаю, что нагнетающаяся истерия в значительной степени выгодна Храму Купола. По моему мнению, обострение конфликта между светскими государствами, такими, как ваше Илари, Контуррия, Свон-до-Крамм, Ресина, наконец, Алтурия, и государствами, где господствует

¹ Ведущий программы имеет в виду космические летательные аппараты, использующиеся в самом ближайшем космосе (ср. с морскими судами каботажного плавания). (Здесь и далее примеч. авт.)

фундаментальная религия Купола, державами так называемого Лиракского пояса, – вот одна из причин того, что происходит. Государства, где правят бал жрецы Купола, которые почти безнадежно проиграли экономическое соревнование и потому год от года теряющие авторитет среди своих сограждан, увидели в нынешней катастрофе хорошую возможность отыграться. Это прежде всего государства Лиракского пояса, к которому, к сожалению, относится и моя *родная* Эррия, а также Блопп, Белтика, Труттия, наконец, сам Лирак с его столицей Кканоаном, где находится Верховный Храм Купола и заседает наместник Неба Зембер. Я не самый серьезный знаток политических вопросов. Я – ученый, проектировщик, строитель, наконец. Но то, что я сейчас сказал по поводу религиозных волнений, – их подоплека очевидна даже для меня. Не говоря уже о более компетентных людях.

Ведущий (*быстро*). На какой стадии находится строительство звездолетов? Информационные порталы дают разнородные данные. Порой они существенно отстоят друг от друга.

Леннар. Орбитальная сборка завершена на трех звездолетах из проектировавшихся шести... Ну да, в данный момент на орбите планеты находятся три совершенно законченных корабля. То есть законченных технически. И уже полным ходом идет переброска на них необходимых материалов для внутреннего благоустройства, завоз значительного количества технического и инженерного персонала, а также

так называемых уровневых работников, которые будут заниматься подготовкой внутреннего пространства. Ведь ему, этому внутреннему миру кораблей, суждено стать новой родиной для нас и наших детей, а быть может, и внуков... правнуков. Когда я ехал к вам, мне пришло сообщение о том, что на звездолетах идет укладка почвенных слоев, биологи уже осуществили сдачу проб геномодифицированных образцов флоры, а климатологи закончили программирование основного и резервных климатосимуляторов для каждого из уровней.

Ведущий (*взволнованно*). Климато... симуляторов?.. Впрочем, не будем углубляться в технологические тонкости строительства, которые могут быть непонятны нашим зрителям. Лучше ответьте: известно ли вам, что сам наместник Неба Зембер во время Великого Стояния в Кканоане в честь их главного праздника, Присхха, провозгласил вас и еще три сотни руководителей и ведущих ученых, участвующих в проекте «Врата в бездну», врагами народов Леобеи и объявил Строителями Скверны? И... ваш дядя, король Эррии, издал указ о лишении вас дворянского достоинства.

Леннар (*с легкой усмешкой*). Ну, общеизвестно, что мой дядя, в отличие от моего отца, хоть и занимает главный государственный пост в Эррии, тем не менее не является правителем государства. Фактически он претворяет в жизнь директивы Зембера. Не хотелось бы выносить все это на общее обсуждение, но раз уж зашла речь... У нас с дядей давние

разногласия... Очень давние! Я до сих пор прошу его ответить на несколько вопросов по поводу гибели моего отца. А он изо всех сил пытается лишить меня возможности их задавать... Что же касается дворянского достоинства... (*тут Леннар горделиво вскидывает голову*) мне остается только напомнить ему слова Инногара V, нашего общего предка: «Любого можно лишить дворянства, но лишить истинного дворянина его достоинства не может никто». А по поводу Строителя Скверны... гм. Это громкий титул. Вообще наместник Зембер склонен к громким фразам, хотя это и не единственный его недостаток... Что же касается их пророчеств, запретов и проклятий... Это же написано в каждом учебнике истории. Я имею в виду *вменяемые* учебники истории, а не те нелепые полумолитвенники, что выпускаются в государствах Лиракского пояса. Я тоже мог когда-то учиться по такому учебнику...

Боязнь подняться в небо вызвана тем, что на начальном этапе развития нашей цивилизации в нашу планету врезался крупный болид, вызвавший катастрофу, в которой погибло несколько працивилизаций. Кроме того, были и еще случаи падения на планету достаточно крупных «небесных камней» (но меньших размеров, чем вышеупомянутый), вызывавших локальные катастрофы разных масштабов. Это объяснимо. Наша Галактика, к большому нашему несчастью, в настоящий момент столкнулась, вернее сталкивается, с еще одной, причем как раз той своей частью, в которой распола-

гается и наша звездная система. Так что наша звездная ветвь очень быстро, ну в астрономических масштабах, входит в катастрофогенную зону, но для человечества Леобеи это происходило на протяжении сотен поколений, поэтому интенсивность падения «небесных камней» росла хоть и неуклонно, но постепенно и, как мы теперь видим, дискретно. Периоды интенсивности сменялись периодами затишья, а затем все начиналось опять и с большей силой. Именно потому во всех религиях нашего мира, в какой бы его точке они ни оформились, изначально присутствовал запрет на изучение и попытки исследования «Неба». Ибо именно Небо обрушивалось на людей со все большей и большей силой, и потому все катастрофы были объявлены гневом богов на людей, рискнувших как-то нарушить их заветы и потревожить их покой. Естественно, с развитием науки запреты существенно ослабли, но, как видите, нынешние священнослужители ничуть этим не смущаются. В особенности это касается наиболее агрессивной религии – религии Купола, отправляемой уже упомянутым тут Зембером.

Ведущий. Ну хорошо. Оставим научные проблемы из области... э-э-э... космогонии, и вообще... Думаю, нашим зрителям хотелось бы узнать немного о вас лично... Говорят, у вас очень необычное увлечение: в свободное от основной работы время вы выделяете кожу и шьете из нее вещи – перчатки, ремни, шляпы. Показывали вы их кому-либо из профессиональных модельеров? Я слышал, что сам Ганту Тал-

лер высоко отозвался об уровне вашего мастерства и заявил, что если вы захотите переменить профессию, то он охотно возьмет вас в свою компанию.

Леннар. Такое мнение лестно для меня. Ганту Таллер – мировой авторитет в своем деле и, конечно... *(Обрывает сам себя, и – негромко.)* Только мне кажется, что сейчас у меня нет возможности менять профессию. Звездолеты нужны больше, чем дамские перчатки и изящные ремешки, которые я выделяваю в досужие дни... Все более редкие...»

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ ПРОЕКТА «ВРАТА В БЕЗДНУ». ИЗ ЗАКРЫТОГО ЗАЯВЛЕНИЯ РУКОВОДСТВА (21 год века Алой звезды; 27,21)

«В связи с разрушительной деятельностью организаций Кканоанского Храма и верховного жречества Купола, и особенно – преступной структуры, именуемой орденом Ревнителей, мы вынуждены пойти на чрезвычайные меры. Во-первых, мы закрываем доступ на звездолеты проекта „Врата в бездну“, где базируется руководство проекта, и устанавливаем внешний и внутренний контроль. Во-вторых, мы сворачиваем строительство новых звездолетов и сосредотачиваем усилия на достройке уже начатых кораблей.

<<...>> Главное в том, что мы вынуждены признать: сношения с государствами Лиракского пояса находятся в состоянии прямого военного противостояния. Храм Купола нагло и беспардонно вмешивается во внутренние дела го-

сударств, несущих основное бремя строительства, и, пользуясь трудностями, которые испытывают граждане этих государств, инициирует массовые беспорядки и прямые бунты, направленные на свержение лояльных проекту правительств. Планета охвачена смутами и междоусобными войнами. При высочайшем уровне нынешних военных технологий это недопустимо!.. Счастье, что у государств Лиракского пояса нет оружия массового уничтожения. Но даже при том, чем они располагают, мы рискуем потерять все лучшее, что было накоплено за века и тысячелетия нашей цивилизации, и быть отброшенными далеко в темное прошлое. Все это многократно ускоряется паникой, которую сеют все более интенсивные метеоритные дожди, извержения вулканов, землетрясения, наводнения и цунами – следствия патогенных процессов в гравитационном и магнитном полях планеты. В данных обстоятельствах, при агрессии Храма Купола и преступного ордена Ревнителёв, ранее запрещенного за массовые убийства, казни и иные чудовищные преступления, которые его служители совершали на протяжении всей его истории и которые оказались предъявлены человечеству Леобеи во время дэгмайского конфликта, мы признаем эвакуацию всего населения планеты НЕВОЗМОЖНОЙ, а план реализации проекта – СОРВАННЫМ. Все это в самом скором времени приведет к плачевным последствиям, на фоне которых даже нынешние ужасающие бедствия покажутся несносными мелочами...

<<...>> Мы объявляем чрезвычайное положение и заявляем: если нельзя спасти всех, нужно спасти всех лучших. Мы заявляем, что все лучшие ученые, мыслители и культурная элита Леобеи, весь лучший наш генофонд, еще находящийся на планете, будет доставлен на борт звездолетов. Принцип отбора пусть жесток, но не жестоки ли условия, в которые нас поставили, втиснули, загнали?.. ЛУЧШИЕ НЕ ДОЛЖНЫ ПОГИБНУТЬ вместе с теми, кто ослеплен мракобесием и ложью Храма. Для этой цели и обеспечения всех указанных выше положений мы организуем ГВАРДИЮ РАЗУМА. Это наш ответ Храму, создавшему орден Ревнителей. В Гвардию Разума будут отобраны несколько сотен наиболее подходящих по психофизическим характеристикам молодых людей из числа экипажей и строителей «Врат», которые пройдут или уже прошли специальную подготовку. Главой Гвардии Разума станет Леннар из Эррии, Второй Координатор строительства.

<<...>> Жрецы Купола говорят: День Гнева близок. Мы совершенно согласны с ними. Но в отличие от них мы делаем все возможное, чтобы *отдалить* этот день для цивилизации Леобеи...

Подписано: ЗОНАН (Алтурия-72), Первый Координатор; АИТОР (Рессина-45), Верховный Конструктор; ТОР-ГОЛ (Свон-до-Крамм-434), Генеральный Инженер, глава Транспортной линии проекта; ЛЕННАР (королевство Эррия), Второй Координатор, глава Гвардии Разума».

*НЕБО НАД ЛИРАКОМ. БЛИЗ ККАНОАНА (23 год века
Алой звезды; 27, 23)*

– Зачем тебе это нужно, милый? – спрашивала она, глядя не на него, а в круглый визатор кабины, за которым внизу проплывала чужая, опасная земля. – Ведь даже если он величайший ученый, то твоя жизнь все равно слишком ценна, и, если *что*, твоя потеря никогда не заменит...

– Я не собираюсь ничего *терять*, – перебил он, – все уже потеряно и без того, теперь, начиная с нуля, можно только *обретать*. Нам нечего терять, понимаешь, Ориана? И я найду этого Элькана, даже если жрецы Купола засунули его на дно Двухцветного Океана, в Стафрокас.

– В тот город, который принял тебя, когда ты еще совсем юным покинул родину? И где начал обучаться своему нынешнему искусству строителя? И многим другим... искусствам...

Леннар усмехнулся:

– Да, хотя я был не таким уж юным, юноши нашего рода поступали в военную академию в одиннадцать лет, и к девятнадцати годам я умел уже многое. Иначе мне не удалось бы уйти от убийц, посланных моим милым дядей.

Ориана вздохнула:

– И тебя никогда не назначили бы главой Гвардии Разума.

Леннар кивнул:

– Да, оказалось, что у нас не так много людей, имеющих

хоть какую-то военную подготовку.

– Хоть какую-то!.. – фыркнула девушка, а потом не выдержала и звонко рассмеялась.

Леннар сделал вид, что не понимает причину ее смеха, и продолжил невозмутимым тоном:

– К счастью, разведке Гвардии Разума удалось установить местонахождение Элькана. Я направляю шаттл именно туда.

– Но почему ты взял с собой только пятерых, если вполне мог отрядить хоть половину Гвардии Разума? Если уж этот ученый, Элькан, так важен для вас?

Он улыбнулся поспешно и почти вымученно, как будто стеснялся этой улыбки.

– Понимаешь, Ориана, у нас мало людей. Мало, слишком мало, чтобы рисковать ими. К тому же если с операцией не смогут справиться пятеро, то вряд ли справится отряд численностью и в пятьдесят раз больше. Я отобрал почти всех лучших, которые оказались под рукой. У Гвардии Разума достаточно незаконченных миссий и слишком мало свободного времени, чтобы я...

Она не дослушала и рукой закрыла ему рот. Потом отняла пальцы от его губ и смотрела в его лицо, словно желая высмотреть в нем что-то такое, что доселе оставалось тайным. Глухо билось в стенах тесной, отделанной звукоизолирующим материалом рубки ее сердце. Ориана смотрела... У сидящего напротив нее человека была внешность, в которой словно смешались две породы. Одна – коренастая, гру-

боватая, нарочито-выпуклая, выдававшая себя в крутом подбородке, обводах крепких скул, жесткой линии характерного, четко очерченного рта, контурах плеч и всего торса под синей, тускло поблескивающей блузой. Вторая – хрупкая, нервная, прячущаяся под длинными черными ресницами, под часто прикрытыми веками, в движениях музыкальных пальцев и во взгляде темно-серых, быстрых и живых и оттого иногда кажущихся синими глаз. У него была хорошая улыбка – зажигательная, открывающая все зубы и освещающая все лицо. Он сидел перед Орианой в жестком кресле, отсутствующе глядя куда-то в стену, и барабанил пальцами по контрольной панели навигатора.

Она обошла его и приобняла за плечи, а потом вдруг вцепилась крепко, будто боялась: отстранится, скажет что-нибудь жгуче-холодное, как бывало все последние дни. Да что дни? Месяцы, многие месяцы и годы он меняется шаг за шагом, штрих за штрихом, и она чувствует, что в один прекрасный (прекрасный, о Небо!) момент Леннар, ее Леннар, вдруг окончательно шагнет куда-то туда, откуда она не сможет его вытащить, выманить к себе. Вернуть. И он будет смотреть, чужой, холодный, далекий-далекий – на расстоянии вытянутой руки от нее, но все равно недостижимый... Глава Гвардии Разума. Один из самых ненавистных соперников фанатичного Купола.

– Я люблю тебя, – просто произнесла она. – Иногда мне кажется, что ты забываешь об этом.

– Разве можно, Ориана?... Можно забыть о тебе?

Она качнула головой:

– Н-не знаю, милый. Иногда ты мне кажешься... на все способным. Даже на жестокость по отношению ко мне... жестокость невольную, и все равно непростительную... Я так тебя люблю! – вырвалось у нее.

– Все будет хорошо. Мы непременно будем вместе. Ты будешь моей женой. Будешь сразу же, когда...

– ...когда все это закончится? Ты говорил так уже много раз. Мне кажется порой, что это никогда не закончится.

– Не нужно, Ориана. Ну не время сейчас!.. Успокойся, девочка. Все будет хорошо. Просто у меня есть работа, которую никто, кроме меня, не может делать. И она забирает все мое время и... большинство моих сил... Лучше скажи, как идет твоя работа. Ты же некоторое время консультировалась у Элькана по вопросам... Как называется твое исследование?

– Вот видишь, ты даже этого не помнишь, Леннар, – произнесла она с укоризненной усмешкой, – вот видишь, милый. Исследование мое касается флуктуативного нейрорепрограммирования и памятных структур мозга с точки зрения...

– Уфф! – выговорил он, вытирая лоб.

– Но ведь я по профессии... – виновато начала она, однако Леннар прервал ее:

– Да полно тебе, Ориана. Я же не извиняюсь перед то-

бой за употребление словечек из своей области знания: разных там торсионно-триггерных ускорителей или комплексной архитектоники навесных конструкций. Так, девочка?

– Ну да, – сказала она.

– Говорят, у тебя развились экстрасенсорные способности? Взглядом можешь загипнотизировать человека? Внушить ему заданную мысль?

– Ну... не знаю... я, в основном, подвожу под это теорию и...

Он рассмеялся:

– Во всяком случае, меня ты давно загипнотизировала.

– Что ты...

Леннар повернул голову так, что Ориана могла видеть его профиль. Свободная, мощная линия высокого лба, прямой нос. В линии подбородка угадывалось что-то... детское, что ли, – или это ей, внезапно желающей увидеть в своем любимом побольше слабостей, только кажется?... Хохолок свешивается на лоб, и все такое знакомое и родное...

– Я хочу, чтобы мы скорее *ушли*, – быстро сказала она. – Ты держишь звездолеты на орбите планеты так долго, а зачем?... Чтобы дать проклятым жрецам Купола новые возможности погубить тебя и наше дело?

– Слишком много слов. К тому же не я главный, и не я решаю, сколько нам оставаться на орбите планеты. Есть еще Зонан и Торгол, есть Совет проекта, хотя мой голос в нем и силен...

– Давай не будем об этом хотя бы сейчас, – попросила Ориана. – Позволь мне говорить не с руководителем Гвардии Разума и Вторым Координатором «Врат». Позволь мне говорить с любимым мужчиной. С моим Леннаром. Ведь это так редко нам удастся в последнее время. Только, пожалуйста, ни слова о том, что нам не до любви, что наше время – *другое*, и что наш удел борьба, и что мужчины и женщины будущего долюбят за нас. А нам – идти в бой... Не надо этого!

Едва заметная печальная усмешка тронула губы Леннара. Он быстро взглянул на пульт управления шаттла, пробежал пальцами по сенсорной панели навигатора, корректируя курс, и повернулся к Ориане. Она молча ждала.

– Я тут тебе... – начал он. – В общем, у меня было немного свободного времени, когда мы попали в ловушку в Альярском ущелье и ждали подмоги. Время у меня было, и вот... я тебе... Я смастерил тебе небольшой подарок. У тебя постоянно очень холодные руки...

Он откинул с левого бока целый наворот ткани и вынул оттуда маленькие перчатки, по виду – из тонко выделанной светло-серой кожи. Ориана, запнувшись, выговорила:

– И ты... в Альярском ущелье...

– Это особенные перчатки, – прервал ее Леннар. – У меня был с собой отрез нанохроматической кожи... А вот тут я вшил полосы ауруловителя... Когда тебе взгрустнется, эти перчатки станут белыми. Если тебя обуяют тревога и страх – они окажутся желтыми, как песок пустыни. Если ты засме-

ешься, они станут ярко-зелеными, как молодая листва. Когда ты будешь говорить, что любишь меня, они станут красными, как кровь. Но если ты начнешь раздражаться и гневаться, будут черными. Черный – цвет гнева.

Ориана побледнела, на ее лице появилась растерянность.

– Но... как же...

– Это очень просто, ты лучше меня знаешь технологию, – спокойно отозвался он.

– Я не о том. – Ее глаза широко раскрылись, стали неподвижными, тревожными. – Я... спасибо... Но ведь там, в Альярском ущелье, речь шла о жизни и смерти. Вас обложили, как зверье на охоте... И ты... нашел время... точнее, не время, я не так выразилась. – Она мотнула головой. – Ты нашел силы думать обо мне, когда?..

– А о чем мне было думать? О смерти? – досадливо и почти сердито перебил Леннар. – О смерти? О том, на сколько кусков порубят меня в случае поимки и под каким соусом станут жарить каждый из этих еще живых и чувствующих кусков, поливая его *изгоняющими* молитвами?.. Не говори глупостей, Ориана! Конечно же я думал о тебе. Тем более что ты меня в последнее время упрекаешь, будто я уделяю тебе мало внимания.

Он хотел сказать что-то еще и уже взял девушку за руку, но вдруг совсем близко пролился глубокий и чистый звук, чуть приглушенный... Леннар закрутил головой и, откинув с приборной панели скомканный защитный термоплащ с ка-

пюшоном, невесть зачем туда брошенный, взял *полант* – прибор связи с личным идентификационным кодом главы Гвардии Разума. Полант, темный полуобруч, напоминающий диадему, был такого размера, чтобы точно обхватить лобную часть головы. На передней панели прибора возникло лицо и кодировка того, кто беспокоил Леннара. Он качнул головой, привычно надвинул полант на лоб, дужки прошли над ушами и, как живые, наползли в заушные впадины. Коротко прозвучала мелодия узнавания: прибор идентифицировал своего хозяина и определил вызов – над головой Второго Координатора проекта проявилось кратковременное сияние, отдаленно напоминающее распустившийся цветок с полупрозрачными лепестками, эфемерный и недолговечный, как порыв вечернего ветерка. От основного корпуса поланта отделились несколько сенсорных датчиков на сверхгибких ножках из материала с перестроенной информемкостью и задвигались: два прижались к вискам Леннара, два аккуратно скользнули в ушные раковины, еще два припали к основанию черепа. На глаза Леннара надвинулась черная полоса полуобруча.

– Здравствуй, дядя Игвар, – негромко сказал он.

Человек, которого он называл дядей Игваром, заменил ему отца, когда Леннар, раненный и почти потерявший сознание от боли рухнул в своем гравилете в бурные воды Двухцветного Океана и проломил только установленный рабочими инженера Игвара купол нового квартала Стафрокаса. Он выхо-

дил умирающего юношу, обучил своей профессии строителя-подводника, одной из многих (вернее первой из многих), которые удалось освоить этому бешено талантливому молодому человеку. Дядя Игвар дал ему, урожденному принцу, потерявшему отца, право на престол, веру в справедливость, новый смысл жизни...

...Иллюзия контакта была полной: перед ним стоял седовласый мужчина с покатыми плечами, в неловком, мешковатом одеянии и с неподвижной левой рукой, покоящейся на белой повязке, подвешенной к шее. Он стоял на берегу реки, ивы рядом с ним окунали в текущие воды свои ветви, дробясь и колыхаясь в отражениях. Игвар, проведший большую часть своей жизни под прочными куполами подводных городов или просто тускло мерцающей толщей океанской воды, всегда радовался небу... небу, отражающемуся в спокойных водах неглубокой реки. Другой берег реки был сплошь затянут дымом; только самые сильные порывы налетавшего ветра могли на мгновение раздвинуть его пелену, чтобы стали видны горящие каркасы домов, корчащиеся в огне деревья и мельтешащие фигурки людей.

Леннар почувствовал, как ледяные пальцы сжимают его внутренности и что-то внутри проворачивается беспощадным, резким усилием.

– Здравствуй, Леннар.

– Что случилось?

– Они напали на наш городок. Их не остановило то, что ты

не был в моем доме уже много лет. – В голосе старика битым бутылочным стеклом звякнула укоризна. – Они считают, что это ты навлек беды. А я ответственен за то, что ты стал тем, кем стал. Они – наши же соседи, и еще горстка чужеземных мерзавцев-фанатиков. Я хотел тебя предупредить, чтобы... Береги себя, Леннар.

– И это говоришь мне ты, стоящий рядом со своим разрушенным и сожженным домом?! – воскликнул Леннар. – Берегись, дядя Игвар, уходи оттуда! Неужели люди совсем потеряли разум?

– Сегодня утром упали два метеорита. Один разнес весь Южный поселок и энергостанцию, второй погреб под собой школу, не центральную, а ту, что на берегу. Все дети погибли. Но это еще не все. Поврежден энергоблок... исправлять его никто не собирается, и назревает страшная трагедия... А они и не думают заняться делом!!! Они – поют! Все утро из окон центральной школы слышалось пение молитв, которые возносились там под руководством жреца, явившегося откуда-то из столицы. Там после переворота совсем разучились думать, все загребли под себя фанатики-фундаменталисты Купола. О, сколь длинна рука Кканоана!..

– Я знаю, – глухо сказал Леннар. – Я же говорил тебе, дядя Игвар, чтобы ты переправлялся на борт моего звездолета, пока не поздно, и забирал всех, кто тебе дорог.

Старик помолчал. Потом сказал с горечью:

– Стар я, чтобы умирать в ваших тесных железных банках,

которые крутятся вокруг планеты.

– И ничего они не тесные!..

– Хочу умереть здесь. И жена сказала то же... Хорошо, что она умерла прошлым летом.

Просто, буднично и жутко прозвучали эти слова. Леннар скрипнул зубами. Старик коснулся рукой головы и проговорил, отнимая ладонь:

– У моего поланта кончается энергия. Я кину его в реку. Ну ладно, сынок. Сгорел городок, так что с того? Тут каждый день земля из-под ног выворачивается. Когда ты в последний раз спускался вниз, к нам? Забыл? Все время в небе, дальнем небе... Ты так давно в небе, что уже почти что *небожитель*... Конечно, – дядя Игвар кашлянул раз и другой, – за заботами забыть несложно. Дела да дела. Ну все. Ты большой человек, не хочу тебя отвлекать.

«Не хочу тебя отвлекать!..» Леннар открыл рот, чтобы заорать протестующе и гневно, но упрямый старик сорвал с головы прибор связи и швырнул его прямо туда, где ивы купали в реке свои длинные, гибкие ветви. И тотчас же все оборвалось. Треск, белые извилистые полосы перед глазами – и Леннар оглох и ослеп, тишина замкнула слух, а перед глазами возникла медленно текущая, как волны той реки, черная пелена. Он стащил с головы полант и бросил его на приборную панель. Зачем, зачем вызывал его дядя Игвар?.. Чтобы сказать, что его, Леннара, ищут? Да об этом знает вся планета! Чтобы уведомить о том, что фанатики Купола уничто-

жили еще один маленький городок? Да нет. Истина лежала на поверхности, как яблоко в чистой руке младенца. Ну конечно. Он хотел *проститься*. Не хотел умереть, не простившись, согнуть безвестно, глухо – кануть камнем в омуте.

– Что? – Ориана смотрела на него, не дыша. – Что он тебе сказал?

– Да так. – Леннар приподнял одно плечо. – Ничего... Сказал, что хорошая погода... дымно, правда.

– И вовсе не так. Я же слышала, что ты ему отвечал.

Леннар отвернулся, проглотив боль. Он смотрел прямо перед собой – туда, вниз, где плыла чужая земля Лирака, оплота мракобесия, вотчины Храма... Где-то неподалеку – серые здания и залитые огнями высотные башни Кканоана, в самом центре которого, среди нетронутых прекрасных садов, билось каменное сердце Храма, защищенное тройным силовым полем. А здесь... Громадное багрово-красное плато словно висело в налитом кроваво-алой гулкой мощью жарком мареве. Леннар знал, что в этом «жарком мареве» вода за несколько мгновений подергивается ломкой ледяной корочкой. Плато, плато... По его поверхности пробежали дымные струи, завивались спиралью, выгибались, как змея в боевой стойке, – а потом вдруг срывались с места и таяли, оставляя там, где они только что были, мутное облачко тревожного красноватого пепла. На самом краю плато причудливо громоздились уродливые изломанные утесы, сглаженные, съеденные временем и давно потерявшие атрибуты молодого

задора – острые пики, вызывающе темные и глубокие ущелья, крутые склоны и стреловидные изломы обрывов. Там, на краю, блестела россыпь огней. Будто чья-то неловкая рука выронила горсть светляков.

Ориана взглянула через его плечо, положив на голову Леннара свою маленькую руку, затянутую в только что подаренную перчатку (та начала желтеть):

– Что это?

– Костры.

– Костры?

– Да. Наместник Неба призывал к простоте нравов, к возвращению в лоно природы. – Леннар притянул к себе окуляр оптического дальнозора, углубляя обзор. – Вот и возвратились.

...Нынешние жители районов, прилегающих к Великому Кканоану, выглядели *озабоченными*. Это самое мягкое слово, которое можно употребить по их адресу. Судя по их внешнему виду, озабочены они были прежде всего тем, что бы пожрать и как бы согреться в стынущем воздухе. И оттого люди жались к кострам, плотнее заворачиваясь в длинные накидки из грубой серой ткани и бросая вожаделенные взгляды на жалкую дичь, жарящуюся на огне: нескольких ошипанных птиц да непонятного вида существо, нечто среднее между свиньей и собакой, насаженное на вертел над самым большим костром. В тот момент, когда Леннар принялся разглядывать обитателей плато при помощи оптического-

го устройства, среди лиракцев возникло оживление. Было отчего. Около цепи костров у самой земли завис винтолет. Мощные струи воздуха, шедшие от него, расшевеливали костры, заставляли языки пламени взмывать на высоту человеческого роста. В корпусе винтолета откинулась панель, опускаясь и превращаясь в платформу аппарели. По ней съехала на плато большегрузная транспортная машина с откидным кузовом. Видно было, как просели колеса: машина была загружена до отказа. Водитель выглянул из кабины, осмотрелся и тотчас быстро захлопнул дверь из термостойкого металлопластика. Оно и понятно: холодно, ветер. Кузов стал запрокидываться, и из него на красноватую почву одна за другой посыпались тушки животных. Гуманитарный паек, подумал Леннар с усмешкой содрогания. Официальный Кканоан подбрасывает немного жратвы той из популяций (населением *это* назвать уже сложно), которая имеет своего заступника на ступенях Храма. Леннар откинулся назад, его место у окуляра заняла Ориана, а глава Гвардии Разума тем временем связался с десантным отсеком шаттла и произнес:

– Идем над Кканоанским плато. До места осталось тридцать три коссека. Готовность номер два.

– Видим. Поняли.

– Леннар, а может, подобьем винтолет? – прозвучал голос Марионна, самого молодого и увлекающегося из всех взятых на операцию по захвату Элькана. – Рррразмажем по скалам, а? А то мы с парнями тут тоже наблюдаем. Ну и сволочи же!..

– А что такое?

В этот момент Ориана резко отпрянула от окуляра и, запрокинув голову, обратила к Леннару свое бледное лицо с расширившимися темными глазами. Она воздела руки, и ее тонкие заломленные запястья промелькнули перед взглядом озадаченного Леннара.

– Они... они привезли...

– Что?

– Дичь. – Она сказала это странным глубоким голосом, с хрипотцой, словно раздирающей ей гортань. – То, на что теперь принято охотиться в окрестностях Кканоана, столицы благочестия и резиденции великого Зембера, наместника Неба. И не только в них. Разве ты не подозревал?... А если на *это* принято охотиться, но почему бы этим и не закусить? Благо сегодня день скоромный.

Леннар вдруг понял ее. Он прынул к окуляру дальнотелескопа и, подрегулировав прибор, удвоил приближение. Да!.. Сомнений быть не могло. Теперь он ясно видел, что привезли на ужин эти мерзавцы на винтолете. На красноватой, промерзшей земле один на другом лежали человеческие трупы. Именно этот *груз* только что высыпался из кузова транспортной машины. И, судя по той живости, с какой кинулись к ним люди, гревшиеся у костров, груз был востребованным. В ушах Леннара загремел гневный крик Орианы:

– Милый, во что же превратили планету эти чудовища из кканоанского Храма?! Лицемеры, людоеды!

– Что ж, если уж они возродили Ревнителей, теперь *ничто* не представляется невозможным, – негромко отозвался Леннар, и перед его глазами, словно снова притянутое силой его поланта, встало лицо человека, заменившего ему отца... ивы, купающиеся в еще не замутненной реке, полосы дыма на другом берегу, проступающие в языках пламени и мучительно выгнувшиеся ребра домов...

Леннар сделал над собой грандиозное усилие – столь велико оказалось желание протянуть руку и коснуться панели управления боевыми ресурсами шаттла. Нет, нельзя!.. Впечатление сильно, неодолимо, глава Гвардии Разума хоть и слышал о том, *что* творится на территории стран Лиракского пояса, но никогда еще не видел воочию, чтобы вот так... Одно касание пальцем пусковых кнопок, и в бесшумной белой вспышке истают, как жуткий кошмар, и винтолет, и транспортная машина, из которой все еще сыпался ее кошмарный съедобный груз, и все эти кровожадные чудовища, в которых превратились люди, греющиеся у костров. Леннар поборол искушение. Нельзя обнаружить себя, поддавшись стихийным эмоциям, пусть и мотивированным и глубоко благородным!.. Нельзя! Цель их миссии обозначена, и, даже если эти люди будут пожирать его собственную семью, Леннар не имеет права срывать операцию. Долг, долг – как сурово это понятие, внесенное в его жизнь одним из первых!.. Долг перед династией, перед народом Эррии, перед товарищами, перед всем человечеством Леобеи. И нель-

зя отступить от него.

Леннар проглотил сухой колючий ком и, положив руку на рычаг управления, повел шаттл ниже, к плато. Шаттл вынырнул из красноватого пылевого вихря у самых скал, где горели костры. Единым мигом промелькнула внизу душераздирающая сцена, и тотчас же Леннар одним коротким движением пальцев, лежащих на сенсорной панели пульта-навигатора, заставил землю и небо перевернуться, горную грядку, окаймляющую плато, завалиться вниз и вбок... Из мягкой лапки наушника выстрелил голос Марионна:

– Что, командир? Решил проверить себя в фигурах высшего пилотажа?

– Да уж, – выщедил Леннар. – И хватит разговоров. Готовность номер один! Скоро место назначения.

...Место назначения вынырнуло из-за очередной живописной горной гряды, коими изобиловали окрестности Кканона. Белые шапки снега и толщи громоздящихся горных пород смахнуло с экрана, и Леннару открылся небольшой поселок, обнесенный высокой стеной из матово поблескивающего полупрозрачного стеклобетона. Ограждения из такого материала ставились только на объектах высшего уровня секретности. Уж кто-кто, а Леннар с его строительным образованием и опытом работы на объектах планетарного масштаба это знал хорошо. Кроме того, лиракцы никогда не строили свои военные базы и иные объекты секретного профиля собственными силами – для этого у них недостава-

ло квалифицированных рабочих рук. Потому и существовало контрактное строительство, где задействовались в подавляющем большинстве строители из светских государств, в особенности таких высокотехнологичных, как Алтурия, Эррия, Рессина и Пиккерия. Благодаря этому возмутительному вмешательству *нечистых* во внутренние дела Лирака доскональные схемы почти всех секретных объектов Страны Купола (как любили именовать свою родину снобы из Кканона) имелись в спецслужбах Алтурии и иных стран, откуда были родом строители, а теперь и у руководителей проекта «Врата в бездну». Леннар располагал исключительно подробным планом военной базы, вид на наземную часть которой открылся сейчас в видеоискателях системы внешнего наблюдения. Ориана же наблюдала напрямую – через прозрачный синтетик круглого визатора.

Лиракцы не могли засечь шаттл Гвардии Разума с земли. У них и раньше не было таких высоких технологий, как у стран Леобейского союза во главе с Алтурией и Пиккерией. Теперь же по известным причинам было утрачено и многое из уже имевшегося. Шансов засечь приближающийся шаттл звездолетчиков у военных Лирака и их новых (впрочем, для военных Лирака это новое – всего лишь хорошо забытое старое) кураторов из ордена Ревнителей было не больше, чем у слепого старика – обнаружить и разоружить элитного бойца из оперативной спец-группы.

Сама операция должна была занять минимум времени:

куда больше его потрачено на сбор информации и тщательную ее проверку. У Леннара был выверенный, всесторонне согласованный план. К его реализации он приступил немедленно, и, прежде чем лиракцы успели как-то отреагировать, повесил вверенный ему летательный аппарат точно над основным корпусом базы. Пятеро его людей в защитных комбинезонах, не пробиваемых практически никаким имеющимся в наличии у лиракцев ручным оружием, скользнули на крышу корпуса. Под крылом шаттла отошла панель, высунилось дуло плазменного излучателя, и короткая, беззвучная ярко-желтая вспышка прорезала холодный сухой воздух и легла отсветами по всей территории базы, на стены, на перекрытия, на сторожевые вышки, где только сейчас засуетились, забегали постовые. В крыше корпуса зияла огромная брешь, через которую и проникли внутрь базы пятеро гвардейцев Разума, а вслед за ними и сам Леннар, обязанный прикрывать тылы. В головной кабине шаттла осталась одна Ориана, которая зорко наблюдала за поднимавшимся переполохом и держала обе руки на панели управления боевыми ресурсами корабля.

Леннар знал, когда прибыть. В час, на который была назначена операция, практически весь личный состав противника собирался в храмовых пристройках, имевшихся в каждом корпусе, и возносил молитвы милостивым богам Купола.

Этими руководил длинный, тощий жрец, совсем недавно

присланный сюда из Кканоана. Судя по его одеянию и надменности, с которой он осуществлял надзор над исполнением ритуала, он находился в весьма высоком сане, а на военную базу был сослан за какую-то провинность или за нарушение Устава Купола. На голове жреца красовался личный полант, черная полоса корпуса прибора пересекала морщинистый лоб; в истощенной бедствиями стране личные приборы связи оставались только у руководителей среднего и высшего звена и практически никогда – у простых смертных.

В полукруглом зале молельной, простиравшись на полу и вытянувшись во всю длину, лежали около полусотни человек в пятнистых сине-зеленых комбинезонах, форменной одежде лиракской армии. Среди них выделялись своим одеянием и ярко-алыми поясами два жреца ордена Ревнителей. Представители специальной службы Храма, эти Ревнители, верно, были прикомандированы сюда для тщательного надзора за великим ученым, лауреатом Мировой премии Яурса, самой престижной награды в мире леобейской науки, – Эльканом.

...Конечно же никто из них не ожидал такой наглости от подлых святотатцев, замутивших небеса. Как?! Вторгнуться вшестером на секретную военную базу, охраняемую сильным гарнизоном, и ворваться в молельню и прервать течение молитвы!... До чего же дойдут в своем нечестии эти проклятые Строители Скверны!.. Эти слова выкрикнул, оскалив длинные желтые зубы, надменный тощий жрец. Препоясан-

ные алыми поясами спецслужбисты Купола тотчас же встали за его спиной, угрюмо глядя на вооруженных людей, неведь откуда взявшихся в молельне. Леннар не стал отвечать на оскорбительные выкрики жреца. Он шагнул к нему и, подняв к его лицу раструб плазменного пистолета, проговорил:

– Где Элькан?

– Ты пожалеешь... – начал жрец, а один из ордена Ревнителей сделал было какое-то резкое движение, но прыгнувший из-за спины Леннара молодой Марионн без раздумий применил оружие.

Он выстрелил прямо в грудь храмовника. Тот упал на пол, и вокруг него мгновенно образовалась пустота: молящиеся отпрянули в ужасе. Было отчего. Почти вся верхняя половина тела кканоанского спецслужбиста превратилась в набор переломанных, обугленных костей, на которых висели обгорелые куски мяса. Из изувеченной клетки ребер вывалился какой-то почти до неузнаваемости изуродованный комок плоти, в котором едва можно было определить сердце.

Леннар повторил свой вопрос:

– Где Элькан? Мы должны его забрать. И не сверкай глазами. Один уже погорячился.

Тощий священнослужитель сощурился и прошипел:

– Кажется, все вы, начиная от такого ничтожества, как ты, и заканчивая вашим руководством, всеми этими высоко парящими, – он ткнул сухим, похожим на высохшую щепку пальцем вверх, – Зонанами, Торголами и Леннарами, кичи-

тесь своим милосердием!.. Желанием всех спасти, всех облагодетельствовать! Отчего же вы убили его? Ведь он не сделал вам ничего плохого!..

– Я учился убивать, – медленно произнес Леннар, – с детства, жрец, а после того, что увидел по ту сторону горного хребта на Кканоанском плато, *очень* хочу побыстрее применить свое умение! Причем лучше всего начать с кого-то вроде тебя. Так что не испытывай мое терпение, жрец! Ну!

С неприкрытой ненавистью посмотрел служитель Купола, чувствуя, как вонзились в него угрюмые взгляды звездолетчиков, как топчутся на его спине взоры личного состава базы – тяжелые, тревожные, полные затаенного ужаса. Жрец расцепил челюсти и выговорил:

– Идем. Я отдам вам Элькана.

В этот момент под ногами вздрогнул пол. Звякнули стекла в ритуальных светильниках. Леннар переглянулся с Марионном и решил, что где-то поблизости упал метеорит. Явление частое и... гм... все более и более частое.

И – пока шли по серому тоннелю базы под скрещивающимися световыми конусами, быющими из прожекторов, – такой же толчок, даже чуть мощнее, повторился *еще раз*.

Ученого-биолога с планетарным именем, лауреата Мировой премии Яуруса, знаменитого Элькана держали в весьма просторном помещении с высокими потолками, отлично вентилированном и ярко освещенном. Но атрибуты неволи были в наличии всецело: решетки, двери с тройным кодовым

замком, камеры внутреннего наблюдения, а также – датчик, вшитый в руку Элькана. Этот датчик позволял определить местонахождение ученого с высочайшей точностью, и, даже если бы Элькану удалось каким-то чудом сбежать с базы, его немедленно обнаружили бы и накрыли.

Элькан, невысокий плотный человек с воспаленными веками, поднял голову от окуляра микроскопа, под которым он рассматривал образец биологического материала. То, чем занимался Элькан, не являлось для Леннара и его соратников совершеннейшим секретом, однако представление о предмете исследований имелось лишь в общих деталях. У Элькана был затравленный взгляд, скомканные, угловатые жесты, и как-то не верилось, что этот человек в свое время славился своим остроумием и умением жить широко и ни в чем себе не отказывая. Что характерно, все это нисколько не мешало Элькану заниматься глубокими и плодотворными научными исследованиями.

Леннар вошел в лабораторию к Элькану в сопровождении жреца Купола. Гвардейцы Разума взяли под свой контроль территорию основного и смежных корпусов базы, перекрыли выходы в подземную часть объекта. Элькан заморгал, вытянул шею, на его горле вспух, заходил кадык:

– В-вы... кто?

– Достаточно того, что я *знаю* ваше имя, а мое... – Леннар быстро окинул застывшего неподалеку жреца презрительным взглядом, – мое вы вскоре узнаете. Когда придет

время. Элькан, вы отправитесь с нами.

– Вы... вы из проекта?..

– Да, со звездолета. Позвольте... – Леннар достал из-под одежды сканер и направил его на ученого.

Пока он производил осмотр, мелькнула несвоевременная мысль, что он не надел защитного комбинезона, как все остальные члены штурмовой группы. Это он обнаружил при извлечении сканера. Забыл? Забыл такую важную вещь, отвлекшись на эмоции – впечатления оттуда, со страшного Кканоанского плато? Нервы, нервы... Он стал слишком впечатлительным, с чего бы? То, что он увидел на Кканоанском плато, этот новый и страшный быт разоренной земли... Да, прав был Первый Координатор, мудрый алтуриец Зонан, когда утверждал, что должна быть установлена ротация руководящих кадров Гвардии Разума: не реже чем раз в год глава спецслужбы проекта «Врата» должен уступать свое место преемнику.

Блллинь! Короткая трель сканера. Судя по характеристике этого звука, соответствующей определенным параметрам обнаруженного устройства, у Элькана имеется пеленговый датчик системы «Контроль-M545». Леннар усмехнулся. Датчик был хоть и надежной, но устаревшей системы и, верно, поставлен армии Лирака еще в истекший век Лиловой звезды, не меньше пятидесяти лет тому назад. Делали такое оборудование в том числе и на родине Леннара, в Эррии, и этот, по всей видимости, как раз эррийской – более дешевой и

простой – системы, чем у алтурийского или пиккерийского импортного образца. Леннар качнул головой и вынул нож. Блики от ламп купались в желобке кровостока и сверкали на грани острейшего клинка. Элькан отступил, его зубы стукнули раз и другой. Леннар криво улыбнулся и сказал:

– Это необходимо, уважаемый друг.

Элькан переменялся в лице, на виске запульсировала толстая синяя жилка, похожая на свернувшегося червяка.

– Нет, не пугайтесь, что вы!.. Протяните сюда правую руку. Так. А теперь немного потерпите. Мы же не можем взять вас на борт шаттла с этой штукой в руке, чтобы нас засекли и сбили. Понимаете?

Элькан скрипнул зубами...

Ориана находилась на сеансе связи с Центром, когда через брешь, проделанную при посредстве главного плазменного излучателя шаттла, на крышу корпуса базы выбрались Леннар, пятерка его людей и Элькан с набрякшим красным лицом и с предплечьем, туго перехваченным медицинской повязкой. Ориана спросила:

– Все удачно?

– Да.

– Идем по графику?

– Да, – последовал второй отрывистый ответ.

– Обстановка опасная, – произнесла Ориана, поправляя длинные волосы рукой в перчатке уже ярко-желтого цвета, – пока вы были внутри, в непосредственной близости от базы

упали один за другим два метеорита.

– Я так и подумал, – вспомнив глухое содрогание пола под ногами, настигнувшее его в молельной базы, а потом в тоннеле, отозвался Леннар.

Ориана взглянула на экран навигатора и вдруг, резко прянув вперед, крикнула:

– Леннар! Ленна-а-а-ар!

Элькан, который уже направлялся к шаттлу, зависшему над крышей корпуса, был с силой сброшен обратно в провал, откуда они только что выбрались. Упал он неудачно, лицом вниз, и тотчас же разбил себе лоб и нос. Резкая боль пронзила руку. Сломал?.. Элькан закрыл глаза и почувствовал, что проваливается. Столб серой пыли выстрелил перед глазами, и – все оборвалось.

...Небольшой метеорит попал в левое крыло главного корпуса базы. Легко пронизал все перекрытия вплоть до самых нижних уровней подземной части. Вздрыбленный грохот раскатился далеко вокруг и разорвал в клочья предночные сумерки, и по сравнению с ним все доселе существовавшие звуки показались бы самой гробовой, самой бархатной тишиной. Полкорпуса разлетелось сразу же; повалились две из трех сторожевых башенок, третья отделилась трещинами в ажурном основании. Шаттлу, висевшему над крышей, тоже досталось. Два обломка перекрытия и кусок самого метеорита попали в летательный аппарат, и его швырнуло о землю. Никто не успел понять, *как* все это могло произойти. Гла-

за увидели, мозг запомнил, и запоздалое воспоминание прокрутилось в голове, как запись с камеры внешнего наблюдения... Леннар вспомнил: что-то громадное выросло перед глазами, и страшный удар оторвал его от поверхности и откинул в сторону. Разноцветные полосы скакнули перед мысленным взглядом, и глава Гвардии Разума еще успел увидеть, как шаттл с сидящей за пультом управления Орианой швырнуло об бетон, в который была затянута вся территория базы. Корпус выдержал, но корма шаттла ушла в землю. Задравшись, беспомощно торчал нос аппарата, и из открытого посадочного люка валил темно-серый удушливый дым.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он очнулся. Бу-бу-бу-бу, бу-бу, надсадно, остро колотилось в висках.

– Святотатцы!.. – бормотал, бубнил кто-то над его головой. – Нечестивые, нечестивые!..

Если бы Леннар открыл глаза и хоть немного определился в пространстве, он увидел бы, как над ним, лежащим на земле, склонился человек с кинжалом и, разрезав одежду на груди шефа Гвардии Разума... Но Леннар еще не пришел в себя. О!.. Ощущение того, как под ребра медленно входит холодно пламенеющий металл, оказалось непередаваемо приятным. словно эта боль, короткая, как воробьиное дыхание, компактно собранная в одном месте, вытеснила другую, долгую-долгую муку. Муку ожидания, ожидания чего-то куда более страшного, чем вид собственного тела и глубоко засе-

шего в нем острия кинжала, из-под которого судорожными толчками выбивалась кровь. Брызгала разрозненными, испуганными фонтанчиками и торопливо стекала по клинку. Леннар окончательно очнулся и смотрел на то, как в его груди ходит туда-обратно кинжал. Вырезает идентификационный чип, понял он. Хотят таким грубым, топорным способом установить мою личность.

Леннар поднял глаза и увидел лицо и фигуру своего мучителя, фигуру, завернутую в глубокие мрачные складки темного одеяния. Жрец Купола!.. Тот самый тощий жрец, который столь истово рассуждал о милосердии.

Жрец перекривил рот и снова выкрикнул:

– Святотатцы! Как вы могли помыслить о том, чтобы?.. Вы хоть понимаете, *что* навлекли на головы нас и наших детей?! Вам не простится!.. Как?! Нападать во время священной молитвы милосердным богам, похищать Элькана, нагло вырезать из его тела датчик, вшитый по распоряжению самого Зембера, священного наместника Неба!..

Леннар чуть пошевелился, рукоять кинжала, засаженного в его грудь, выскользнула из дрожащей руки жреца. Леннар выговорил хрипло и словно оправдываясь (в чем?):

– Мы только хотели спасти...

– Молчи! Молчи, негодяй! – Жрец Купола вдруг выпрямился во весь свой немалый рост и схватился рукой за лицо, как будто названное им имя ненавистного соперника обожгло ему губы. – Вы обрушили на нас ярость Небес, и стра-

шен обещает быть День Гнева!!! Но есть, есть еще время, проклятый!.. Мои глаза уже боятся взглянуть на благословенное Небо, которому мы так часто молились! Это ты, ты и твои соратники продолжили дело постройки проклятых кораблей, на которых нас хотели увезти прочь из этого мира! Только что Небо доказало, сколь черно ваше дело! Небо само поразило вас в тот самый момент, когда вы уже готовились торжествовать. Взгляни, взгляни, святотатец!

– Вы пленили нас? – спросил Леннар напрямик. А чего, собственно, стесняться?..

– Только тебя и... Твои люди погибли, погибли!..

Острый клин боли вошел в затылок. Леннар облизнул спекшиеся губы.

– ...Все они уже извергнуты из нашего мира, изbleваны из уст его! – кричал служитель Купола, кажется не слыша собственных слов. – Твоя женщина еще жива, но Небо не отпустит ей долгой жизни! Трое твоих измолоты в мясной фарш, а двух других мы уже опознали по их личным чипам! Ведь каждому из вашей Гвардии Разума полагается личный чип? Мы их опознали и за ненадобностью уже уничтожили. Ясно тебе? Ученый тоже у нас и девка. Ее мы доставим в Кканоан, а с тобой... с тобой поступим в зависимости от того, *кто* ты такой.

И он, подкинув на ладони окровавленный личный чип, поместил его на сенсорную панель портативной электронной машины, раскрывающейся на манер книги. Ее жрецу поднес

один из солдат. Зеленый столбик света поднялся над сенсорной панелью, полностью поглотив чип Леннара. Жрец смотрел тяжело, с подозрением, и что-то говорил, говорил, не удостоверяясь, слушают ли его вообще.

– Слишком много слов, жрец, – перебил его Леннар, поднимаясь на ноги под горящими взглядами нескольких солдат базы, с оружием в руках стоящих чуть поодаль, – слишком много слов... Мне уже трудно говорить. Потому я буду краток. Вы можете уничтожить нас. Увезти в Кканоан, где нас подвергнут пыткам, как это у вас полагается. Этот злосчастный метеорит... Метеорит... – вздрогнув, вытолкнул он. – Но наша смерть, жрец, не спасет вас от катастрофы, которую пошлет вам то самое Небо, которое ты тут так часто упоминал!

Священнослужитель, смотревший на экран, вдруг содрогнулся всем телом и выгнулся, как если бы его ожгли ударом кнута. Его темные, глубоко посаженные в орбитах глаза полыхнули фанатичным огнем. Он вытянул шею и прошипел:

– *Сам Леннар?!..* Какая высокая честь! Мне привелось поймать самого Леннара, главу этой вашей Гвардии Разума, которая как бельмо на глазу у Кканоана. Ты пожалеешь, Леннар, Строитель Скверны! Ты дашь ответ за все!.. За все!

Может, Леннар и хотел ответить на эти слова, собственно, ответа и не требующие. Но он только бледно улыбнулся, и из уголка его рта, извиваясь, пятная кожу, потянулась тонкая струйка крови. Тонкая, извилистая змейка. Ноги Ленна-

ра подкосились, и он мешком рухнул ничком наземь. Одним прыжком бросилась в глаза серая, потресканная, словно никогда не видевшая света звезд бетонная дорожка... Какие-то глухие, далекие голоса, сливаясь и тяжелея, отдалялись и исчезали. «В Кканоане... найду себя, — ясно возникло в голове. — В Кканоане».

Как нелепо. Метеорит, ударивший в базу и нанесший столько бед... Ориана... гибель друзей... Кканоан, Кканоан и суд!..

Он оказался прав. Собственно, ему легко было оказаться правым: после того как его вычислили, его могли отвезти только в Кканоан, в Храм. Пред светлые очи собора верховных жрецов и лично наместника Неба Зембера XV. Предстоятеля Купола.

...Леннар предстал перед этим судом уже через несколько дней после того, как его и Ориану с Эльканом транспортным винтолетом доставили в Кканоан. В священный город Купола, воплощение того, против чего боролись Леннар и возглавляемая им Гвардия Разума.

ККАННОАН, ХРАМ КУПОЛА. СОБОР ВЕРХОВНЫХ ЖРЕЦОВ

Собор верховных жрецов Купола собрался в Соборном зале Храма. За идущими амфитеатром скамьями белого, с голубоватыми прожилками мрамора расположились соглас-

но сану около трех сотен священнослужителей. Наместник Неба Зембер, высокий мрачный человек, был в белом одеянии, с перекинутой через плечо желтой лентой. Желтый цвет символизировал сугубую беспристрастность и четкую приверженность законам Купола² – в данном случае черствому уголовному параграфу, соответствующему данным обстоятельствам дела.

Огромный, как борец-тяжеловес, жрец-обвинитель (тоже с желтой лентой) за кафедрой вышеживал:

– Леннар, ты нарушил многие из законов благословенной Леобеи, мира Купола. Ты осквернил закон, данный поколениями предков и осененный великой верой Купола. Ты – сын наш. Ты уроженец Эррии, одного из столпов веры в Купол! Более того, ты член царственной фамилии, отпрыск знатной семьи! Зачем же ты рискуешь обрушить мир, в котором ты родился и живешь, в котором родились, жили и живут миллионы твоих земляков, соотечественников? Зачем ты хочешь вырвать нас отсюда? Взгляни! Какая красота окружает тебя здесь и повсюду, сколь богоподобна она и претворена в светозарную материю...

– Я не буду играть с вами в философствование и словоблудие, – ответил Леннар, не дослушав обвинителя, но невольно подражая его высокопарным оборотам. – Я понимаю, что в

² В традиции различных леобейских народов желтый цвет символизирует разное: как говорилось выше, у алтурийцев (Ориана – алтурийского происхождения) и пиккерийцев желтый цвет означает тревогу.

них вы намного сильнее меня. И вообще... вы выиграли эту короткую схватку и вольны делать со мной все, что хотите. Но безмозглой куклой, в которую вы превратили каждого из верующих в Купол, я быть не желаю! Я не меньше вас люблю своих земляков. Я помню свои корни, свою эррийскую кровь. Но не я начал проливать эту кровь!..

Он стиснул зубы и вдруг вскинул над головой сжатые кулаки, потому что метнулись перед глазами перекошенные лица прошлого. Дядя, дядя, убийца на троне!..

Быстро совладав с собой, Леннар продолжал:

– Все отличие между нами состоит в том, что я смотрю в глаза истине. А вы обманываете и обманываетесь. Каждый миг, каждое мгновение. А ведь у нас не так уж много осталось этих мгновений! Вы не хуже меня знаете, *что* грозит нашей планете в очень скором будущем.

Зашевелился Зембер. Его лицо, в противоположность пылавшим гневом физиономиям окружавших его священнослужителей, не выражало абсолютно никаких чувств. Наместник Неба глубоко вздохнул и произнес:

– Хорошо. Если не хочешь признать свою вину, начнем все сначала. С самого начала.

– Пусть так.

– Ты – Леннар, Второй Конструктор и глава Гвардии Разума?

– Да.

– За тобой закреплен позорный титул Строителя Сквер-

ны?

– Я – строитель, – не моргнув глазом, ответил Леннар. – А навешивать крикливые ярлыки – это прерогатива кканоанского Храма. Да, я строитель!.. Я принимал участие в строительстве подводного города. Я проектировал и строил мосты через реки Алая, Стризбан и тоннель через знаменитый Последний пролив, за который мне присуждена Первая премия Алтурии пятнадцатого года века Алой звезды! Можно ли назвать все эти постройки, всю эту работу *Скверной*?

– Не лукавь, – веско выговорил Зембер и поднялся во весь рост.

«Он выглядит просто-таки величественно, честное слово», – невольно подумал в этот момент Леннар.

– Мы говорим не об этом, – продолжал Зембер. – Нам известны твои заслуги перед светскими державами и, частично, – перед всей планетой. О, Алтурия, Пиккерия и Рессина приняли на свою грудь лучшего из уроженцев Эррийской династии!.. Но сейчас не об этом. Мы говорим о еретическом проекте «Врата в бездну». Мы утверждаем, что он нарушает все заповеди, данные нам богами и поколениями предков. Ведь много десятков поколений тому назад боги уже послали запрет на нарушение Контура Неба – главную заповедь веры в Купол! Явилась страшная катастрофа, принесшая неизмеримые бедствия. Ты умный человек. Неужели ты считаешь, что нужно совершать одну и ту же ошибку, навлекая на себя гнев богов?

Огромным усилием воли Леннар подавил в себе приступ ярости. Говорить о гневе богов, о табуированных верованиях предков и о мутных оккультных догматах казалось ему жестоким, нелепым недоразумением на фоне того, что они уже знали!.. На мгновение ему показалось, что он спит. Он спит, и все происходящее видится ему в каком-то диком кошмаре. Он тряхнул головой, стараясь стряхнуть морок. Не удалось. А эти люди с плато, пожирающие себе подобных у первобытных костров, разве они – сон?.. Небо, небо, как трудно проснуться! Нет, нет!.. Леннар взял себя в руки. Нет, придется еще побиться головой об эту каменную стену догматов и бездушия! И он начал *биться*:

– Именно наука, которую вы отвергаете, может предотвратить бедствия, надвигающиеся на планету. Вам известно, что наша планетная система идет на сближение с другим крупным галактическим образованием, и имеются неоспоримые научные данные о том...

– Нам известны ваши бредни! Ты будешь говорить о том, что небесные камни разят нашу планету не за грехи человечества, а вследствие этого твоего... сближения планетных систем, изменения гравитационных полей?.. Почему же тогда за все время, как начался этот кошмар, приближающий День Гнева, на праведный Кканоан не упало *ни одного*, даже самого маленького камешка? Отчего сюда стекаются миллионы паломников, зная, что в святом городе их минует кара? Не потому ли, что мы неустанно молимся богам Купола? Те-

бе как ученому, верно, известно, что за последние годы население Кканоана утроилось и миллионы и десятки миллионов рвутся сюда, в чистые земли, ибо обретут здесь спасение?

Леннар начал смеяться. О лицемеры и глупцы! Неужели они в самом деле думают, что он примет во внимание этот довод? Неужели они думают, что он *не знает*, отчего Кканоан – на самом деле – остался невредим?!

По Соборному залу прокатился ропот недовольства. Выделились отдельные крикливые голоса: «Да он еще смеется, негодяй, отступник, предатель!»; «Казнить его, и вся недолга!».

Леннар качнул головой и ответил:

– Известно. Да, Кканоан утроил свое население, да, он – пока что – безопасный город. Но мне известно и то, *почему* на Кканоан не упало ни одного метеорита! А что касается паломников, стекающих в ваш святой город... так видел я этих паломников на Кканоанском плато, у костров и... в кузове транспортной машины!

– Бредни, лживые бредни и клевета!!! – затрещали голоса.

Леннар прищурился и, окинув взглядом ряды жрецов, продолжал еще более гневно и язвительно (а что скромничать, в самом деле?):

– Ну хорошо. Бредни. Клевета. Тогда ответьте мне: если вы не верите в опасность... хотя о ней кричит каждый камень, каждая травинка, хотя отрицает очевидное лишь безу-

мец... так вот, если вы не верите в опасность, зачем тогда за последние три года силами доставленных сюда высококвалифицированных специалистов из стран *светского* Леобейского союза построены три новых энергоблока под Кканоаном? А все очень просто. Над Кканоаном выткан защитный купол из мощных силовых полей. Метеориты просто сгорают в нем. На Леобее только три города могли позволить себе такую роскошь, но даже столица Алтурии Креген и богатейший город мира, финансовый центр Леобейского союза Бей-Анниат в Пиккерии уже убрали защиту. Почему? Да потому, что на поддержание такого щита тратятся громадные мощности! К тому же щит защищает только от опасности с воздуха. А та, что таится под ногами...

– Что ты имеешь в виду, Строитель Скверны?

– Перестаньте меня называть этим дурацким прозвищем. А впрочем, все равно. Наверное, это мой дядя придумал? Он вообще выдумщик! – Леннар улыбался широко и открыто, но было в выражении его лица что-то такое, отчего жрец-обвинитель вдруг задрожал и ссутулился. – Что я имею в виду? Вы лучше спросите у сейсмологов. Ось планеты уже сдвинулась, и землетрясений не избежать. Их частота и мощь только будут расти.

– Ты пророчествуешь? – загремели, вставая, сразу несколько священнослужителей.

...Конечно, они не услышали его. Да и как они могли его услышать? Бесполезно объяснять что-то этим людям, кото-

рым параграф, буква давно мертвого закона заменяла живого человека. Тем более что именно сейчас и именно здесь они были на вершине власти... Леннара потрошили несколько часов, чтобы полностью обессилить, измотать, заставить почувствовать себя букашкой. Жрец-обвинитель говорил, как вычитывал:

– Покайся, Леннар. – (В сотый раз!) – Ведь ты не только первоклассный ученый и строитель, но и мужчина. Ты любишь и любим. Твоя женщина у нас. Признай свои ошибки, свою ересь и покайся. И тогда тебе будет позволено принять самый мягкий приговор, соединиться со своей избранницей. Покайся и останься с нами. Ведь ты наш по крови, ты не какой-нибудь неверный алтуриец или рессинианин, да лопнут их жилы!.. Твоя семья с радостью примет тебя обратно и простит тебе твое отступничество, а твой дядя, правитель Эррии, даст тебе полномочия...

– И отца моего он тоже... воскресит? – чужим голосом сказал Леннар. – Жирная тварь...

– Ах вот ты о чем? – вмешался Зембер, прерывая обвинителя. – Жажда мести – благородное чувство. Храм всемогущ, и, если хочешь, ты *сам* будешь править Эррией. А твой дядя, подлый убийца, который давно закоснел в преступлении и грехе... ты можешь поступить с ним по своему усмотрению. Храм Купола даст тебе такое право. Ты воздашь неправым!.. Разве это не твой святой долг, Леннар, сын Эррии?

У него начинала кружиться голова. Слова, липкие, длин-

ные, похожие на паутину, – слова, от которых не отмахнуться, из которых не высвободиться...

– Ориана может остаться с тобой, по ее усмотрению, или отправиться на звездолеты. Но в любом случае она будет жить. Однако если ты будешь упорствовать... Купол сожмется для тебя и для нее. Ничего, ничего не будет. Ты закроешь глаза своей любимой Орианы.

Другой человек давно бы сломался. Но у главы Гвардии Разума была устойчивая психика, мощная воля. И тем не менее даже он, измученный нагромождением бессмысленных, пустых трескучих слов, едва не застонал. Скоты! Давят, давят на самое уязвимое, на самое сокровенное и дорогое, неотделимое от его существа. На мгновение закралась предательская мысль: а что, если?.. Терять все равно нечего! И... *Nem!* Нельзя, он не может!.. Отречься? Предать дело всей жизни, тех, кто уже отправился в изгнание, в заточение, под ножи фанатиков?.. Или бросить все, сдаться, отплатить за отца и за свое сиротство, броситься в объятия Орианы и – неминуемой смерти, катастрофы для всех, которая уже так близка!

Он закрыл глаза и медленно, отдельно выговорил:

– Пусть ее приведут.

– Ты перекладываешь ответственность принять решение на нее?.. – снова взял слово Зембер. – Ты, мужчина, боишься решать сам?..

Леннар начал выпадать из происходящего. Он еще не

окончательно восстановился после травмы, полученной на военной базе, и у него уже начинало стучать и всхлипывать в висках. Все плыло. Он испугался. Да, он испугался того, что еще немного – и его сломают. Усилием воли он заставил себя успокоиться. Он сделал ошибку. Да, он сделал ошибку – в том, что принял эту экзальтированную манеру ведения диалога, присущую собору жрецов. Что он не стал изъясняться в привычном ключе: спокойно, прагматично, без эмоций и надрыва. Крепко сбитыми словами. Каждое из которых имеет конкретный смысл. Так. Вот так лучше. Он – спокоен. Спо-ко-ен. Не теряться, не плыть...

– Твое слово, Леннар! Что ты намерен ответить нам?..

Быстро, громко, хотя и чуть путаясь в словах, Леннар *отказался* от предложения собора.

С прежней четкостью и явственностью он услышал только:

– Леннар... Ориана... приговорить к смерти!

...Леннара отвели в подземелье храмового узилища, пинками и прикладами затолкали в темную камеру (нехватка энергии уже ощущалась и здесь) и оставили одного.

Но одному ему пришлось побыть недолго. Не прошло и получаса, как за маленьким решетчатым окном затрепетал нервный свет факела и дверь снова закрипела, завизжала на проржавленных петлях. Леннар, не поворачивая головы, произнес:

– Что, уже пора? А вы ребята скорые. Не откладываете

ничего в долгий ящик, сразу – привести в исполнение.

Ему ответил не густой, жирный и подпрыгивающий голос его тюремщика, мерзкого вида лиракца с опухшим от постоянного пьянства лицом и заплывшими жиром маленькими глазками, а низкий, бархатного тембра баритон. Такой знакомый. Такой неожиданный в этих стенах, слезящихся и трещиноватых. Леннар не сразу обернулся. Пришедшему потребовалось повторить свою фразу, чтобы смертник понял: обращаются к нему.

– Мне нужна твоя помощь, Леннар.

Глава Гвардии Разума (*бывший* глава?) дернул шеей.

– Мне нужна твоя помощь, Леннар, – продолжал тот же голос.

Только тогда пленник ответил:

– Неожиданные слова, ваше преосвященство. Вам, самому могущественному человеку среди всех, кто еще остался на этой планете, нужна помощь?.. Да еще от врага? От врага, которого к тому же вы – вы же! – приговорили к смерти? Интересно, ваше преосвященство.

– Потуши факел, – негромко приказал посетитель человеку, стоявшему за его спиной и державшему в руках смолистый, чуть потрескивающий яркий факел, роняющий искры, – поговорим в темноте.

– Да, владыка Зембер.

Крыло света скользнуло по стене и угасло.

...К Леннару пожаловал не кто иной, как *сам* предсто-

атель Купола, верховный жрец кканоанского Храма, Зембер XV.

Он был в том же облачении, что и в зале суда, даже перекинутая через плечо желтая лента, символизирующая беспристрастность и справедливость, была при нем. Леннар успел это разглядеть прежде, чем погасили факел. Кто был второй человек, пленник узнать не успел. Леннар пошарил рукой, нащупал в темноте свою постель, брошенную на топчане в углу, неспешно улегся и сказал неторопливо (как будто к узникам-смертникам каждый день приходили первые лица государства):

– Я вас слушаю. В любом случае это меня позабавит. По сравнению с тем, что вы мне присудили, все кажется *забавным*.

Глава Храма ответил тут же:

– Забудь всё, что я говорил тебе там, наверху, во время суда. Это церемония, ритуал, так положено.

– И приговор забыть? – почти весело спросил Леннар.

– Я же сказал: *всё*. Если я не ошибаюсь, ты – третье или четвертое лицо в руководстве проекта «Врата в бездну», не так ли?

– Вроде того.

– Твоя жизнь чрезвычайно ценна для твоих соратников?

– Надеюсь, что так, – отозвался Леннар, пытаясь понять как можно скорее, к чему же клонит неожиданный высокий гость.

– Думаю, что и они и ты сам дорого дали бы и за жизнь твоей женщины, которая содержится тут неподалеку, и за ученого Элькана, раз уж вы ради него пожертвовали пятью своими людьми и проделали долгий и опасный путь, – полуутвердительно-полувопросительно проговорил Зембер. – И у меня есть к тебе предложение. Пока... – тут, к удивлению Леннара, голос железного наместника Неба дрогнул и едва не сорвался, – пока не поздно. Леннар, я должен попасть на *один из ваших звездолетов*. Вот это и есть тот вопрос, который я хотел бы с тобой обговорить.

– На звездолеты? Добровольно? Не думаю, что вам там будут сильно рады, ваше преосвященство, – проглотив удивление, отозвался смертник.

– Потому-то я и пришел к тебе. Думаю, что и ты, и те, кто вместе с тобой возглавляет мятежни... экипажи звездолетов и всех тех, кого вы успели туда переправить... вы согласитесь на мое предложение. Буду краток. – Зембер понизил голос и перешел на куда более доверительную манеру общения: – Я отпущу и тебя, Леннар, и твою Ориану и выдам вам ученого, Элькана. Ведь он вам нужен, крепко нужен? Но на орбиту отправитесь не только вы. С вами поеду я и тридцать моих людей, тех, которых я назову. Зонан и ты, как глава вашей основной спецслужбы, дадите мне гарантии безопасности.

– Даже так? – Леннар усмехнулся. – А с какой целью, позвольте узнать, вы собираетесь к нам?.. Едва ли из любопытства и любознательности, а? И удальцов из числа Ревните-

лей прихватите, наверное. Но учтите, что, даже если Зонан примет ваше абсурдное предложение, вам едва ли дадут разводить там вашу пропаганду, вы ведь меня понимаете?.. А мерзавцев из ордена Ревнителей вообще возьмут под особый контроль и, если что, без жалости, на месте...

– Да уж конечно. А причины моего обращения к вам я поясню. Причины очевидны. Они залегли у нас под ногами, они находятся у нас над головами. Мы идем к катастрофе, вы *совершенно правы*. И если от метеоритного дождя Кканоан защищен силовым полем, то от землетрясения нас не защитят никакие боги!

Хорошо, что Леннар не мог видеть лица наместника Неба в этот момент. Потому что оно исказилось такой трусливой гримасой, что, вне всякого сомнения, пленник не устоял бы перед искушением и убил бы человека, повинного в мучениях стольких людей! И тогда – все.

Но факел уже был потушен. Леннар ничего не увидел. Он слышал только чуть подрагивающий голос, бархатный, хорошо поставленный голос священнослужителя, отличного актера:

– Кканоан защищен силовым полем, как и несколько других самых богатых городов планеты. Потому он невредим, равно как не пострадал никто из верховного жречества и их семей. Но энергоресурсы страны истощены. Остается совсем немного, и скоро мы будем не в состоянии поддерживать защитное силовое поле в рабочем состоянии. Оно уже работа-

ет на пятьдесят процентов мощности и не выдержит удара крупного метеорита. Но не в этом главная угроза. Мне доложили, что под Кканоаном вот-вот произойдет серьезное смещение геологических слоев. Все мало-мальски приличные лиракские сейсмологи, которые учились у вас же, в университетах Алтурии и Пиккерии... все они в ужасе. Город будет разрушен. Кканоан непременно должен быть разрушен. Да!!! Падет великий тысячелетний град Кканоан, к радости всех нечестивых! – неистово проревел предстоятель Купола, снова невольно сбиваясь на привычную высокопарную риторику, которой он щеголял на суде. – И все же, – существенно снизив тон, продолжил Зембер после паузы, – ты должен меня понять. Недопустимо погибнуть глупо, нелепо, покорно, как животные!

Леннар помолчал. Облизнул сухие губы. Конечно, он мог предположить, что суть предложения предстоятеля (коли уж пришел!) сведется именно к этому, но что оно будет столь наглым и циничным – нет, ни в коем случае!..

– Значит, на попятную? – спросил Леннар. – К чему же было мешать нашей огромной работе, клеймить нас позором, подбивать на бунт массы людей, чтобы потом же бросить этих людей... которых сами же оболванили? Если бы не эта религиозная истерия, которая берет свои корни именно здесь, в Кканоане, то мы построили бы достаточное количество звездного флота и вывели бы *все* население, а не несколько миллионов, находящихся сейчас на орбите. И ведь

вы, Зембер, еще час назад повторяли то, от чего сейчас отрываетесь. А теперь вместо того, чтобы быть спасенными, эти несчастные едят себе подобных, жрут людей... там, на Кканоанском плато!

– Леннар, твоя жизнь сейчас не стоит и ломаного гроша в глазах собора, всех тех, кто там, наверху, – оборвал его наместник Неба. – Зато для меня она чрезвычайно ценна. И потому не будем упражняться в словесном фехтовании. Не надо о препонах по проекту. Если бы не было одного препятствия, непременно возникло бы другое. Не будь естественных причин бунтов, возникли бы искусственные. Люди так устроены, что механизм самоуничтожения заложен у них вот здесь! – Зембер гулко ударил себя кулаком в грудь. – Но мы не толпа, Леннар. Мы – ты и я – не толпа. Я не хочу умирать здесь, в Кканоане, под ударами метеоритов или как-то иначе, скажем, провалившись в пропасть, разверзнувшуюся под ногами!.. Я говорю это так же откровенно, как если бы ты был моим единомышленником. Ведь я тоже этнический эрриец, как и ты.

Леннар судорожно сглотнул. «Такой же, как и ты!» Лживая, лицемерная скотина! Несомненно, именно он стоит за смертью отца. Этот толстый трусливый скот, его дядя, никогда бы не рискнул пойти на убийство суверена и уж тем более не смог бы повернуть все так ловко... Смирная смутно рокочущую в голосе ярость, Леннар выговорил:

– Я... я дорого ценю свою жизнь, жизнь Орианы. И Эль-

кан, ученый с мировым именем... да, он нужен нам. Но если бы решение зависело только от меня...

– То?..

– То я отказал бы вам. Лучше быть казненным по приговору суда, чем идти на эту... позорную сделку, достойную торгаша с рынка! Впрочем, зачем я обижаю торговое сословие?..

– Даже так! – Зембер усмехнулся. – Я считал, что вы прагматичнее. А тут – шеф Гвардии Разума дает волю романтическим порывам, про которые пишут в глупых книгах. Тем не менее ты верно заметил, что решение по этому вопросу принимаешь не ты. Не только ты. Соедини меня со звездолетом, где находится ваше руководство! – повелительно бросил он. – Я требую этого! А если и они окажутся такими глупцами, что откажут, тогда... тогда у нас есть время, чтобы громко захлопнуть за собой дверь, уходя!

– Ой, да ну вас... И не надо громовых фраз, вы не на собрании, – невыразительным, серым голосом перебил его Леннар. – Предоставьте мне связь. Я вызову для вас звездолет, где находится наше руководство.

– Так-то лучше... Жрец, подай сюда связь!

Вспыхнувший экран аппарата спутниковой связи осветил того, кто сопровождал Зембера. И Леннар тотчас же узнал в нем того самого тощего жреца с базы, где содержался Элькан. Того самого... Впрочем, уже в следующее мгновение ему стало не до разглядывания сухих черт своего недавнего

врага: по экрану пробежали два столбца цифр, Леннар ввел код, подтверждающий соединение, и появилось массивное лицо Зонана, Первого Координатора. Он некоторое время молча смотрел на Леннара, а потом произнес отдельно:

– Я не ошибся? Леннар, ты находишься в Кканоане? Определитель канала выдал... я сначала не хотел верить.

– Да, я в Кканоане. Меня, Ориану и Элькана схватили и приговорили к смерти. Меня должны казнить. Но есть варианты. Их вам изложит сам Зембер, кканоанский наместник Неба. Он спустился... практически снизошел... ко мне в тюремную камеру, чтобы сделать одно предложение. Сразу скажу, что я отказал. Теперь решение за вами. – Он повернулся к Земберу: – Говорите, ваше преосвященство.

Наместник Неба заговорил. По мере того как он излагал суть вопроса своим мерным, бархатистым голосом, лицо Зонана все больше мрачнело. Лишь только Зембер договорил, Первый Координатор ударил себя по щеке ладонью, что означало высшую степень неодобрения, и произнес:

– Не стану разбирать все стороны этого бесстыдного предложения, наместник Зембер. Наверное, Леннар вам уже все высказал. Зачем же вы боролись против нас, чтобы вот так, в последний момент, когда *уже поздно* ... отступить? Молчите, молчите! Я не требую ответа. Значит, вы хотите бежать, как крыса с тонущего корабля? Что ж, это ваше право. Я считал вас более достойным соперником, Зембер. Теперь наш ответ.

Леннар поборол в себе искушение заткнуть уши и не слышать, *что* скажет Зонан. Ведь для него, приговоренного к смерти, *любой* ответ Первого Координатора был ужасен. Или – смерть, или...

– Мы *принимаем* ваше предложение, – отчеканил Зонан, – и гарантируем вам и названным вами людям безопасность, но оговорю особо: при первой же провокации или попытке возмутить экипажи с вами поступят соответственно. Вы меня понимаете, наместник Зембер?

– Да.

– Не будем рассуждать о моральной стороне вопроса. Вы погубили почти все население целой планеты и нашли лазейку, чтобы спастись самим. Я согласен принять вас и ваших мерзавцев, но только потому, что слишком ценны жизни Леннара, Орианы и Элькана. Прежде чем мы начнем обговаривать детали вашей доставки на борт звездолета, хочу задать один вопрос: вы, умный человек, наверняка знали, что правы *мы*, а вовсе не Храм? Ведь так? Зачем же вся эта бесплодная борьба, кровь, эта агрессия и фанатизм? Ваши проповедники – о, эти люди, может, и в самом деле верили, да и сейчас верят в предначертания Неба, в *простоту, очищение* и в тому подобный словесный мусор. Но вы?..

Предстоятель Храма покачал головой:

– Странно слышать именно от вас, Зонан, такое. Ведь кто-то, а вы должны понимать, что такое *власть*. Что такое царить в душах, одним-единственным словом разрушать горо-

да и смирать народы. За это можно отдать все. А теперь...

— А теперь, — низко опустив голову, глухим голосом выговорил Леннар, стоящий рядом, — теперь власть вот-вот уплывет из ваших рук, и сам Кканоан, верно, готов взбунтоваться против Храма... потому что ваше милостивое Небо, которому вы поклоняетесь, все вернее сулит гибель, силовой щит над городом истощается и слабнет, а земля в буквальном смысле может уйти из-под ног? Вы можете потерять власть, так, предстоятель Зембер?

Его преосвященство молчал, надменно вскинув голову. Зонан, Первый Координатор, долго смотрел на своего главного и самого страшного противника, прежде чем исчез с экрана. Сеанс связи закончился.

— Там, наверху, на орбите, решили иначе, — наконец сказал наместник Неба. — Я же сказал, что ты слишком ценен для них. Наверное, жалеешь, что ты не червь, не мокрица вроде тех, что ползают тут по стенам, так, Леннар?

И тут показалось, что сами стены темницы отвечают на слова Зембера. Глухой, надсадный гул наполнил слух находящихся в камере людей. Тощий жрец уже выключил аппарат спутниковой связи, и теперь в полной темноте все трое слушали, как падают с потолка мелкие камешки, а пол подрагивает под ногами.

— Так, вы очень предусмотрительны, ваше преосвященство, — отрывисто выговорил Леннар. — Я бы даже сказал, прозорливы. Не успели договориться с Зонаном, как земля

уже начинает подтверждать ваши опасения. Кстати, а как отреагирует на ваше исчезновение собор высших священнослужителей Купола? Насколько я понял, далеко не все в курсе ваших планов. Или вы хотите... к примеру, имитировать свою гибель?

– Совершенно верно.

– А вдруг... – начал Леннар, но тут пол скакнул под ногами и крякнула на петлях перекошенная входная дверь.

– Жрец, зажги факел!

– Да, ваше преосвященство, зажигаю, ваше преосвященство...

– Немедленно распорядитесь вывести из подземных капо-ниров Ориану и Элькана, – заговорил Леннар, – нужно торопиться... Да зажги же ты факел, проклятый жрец! Или ты только и умеешь, что ковыряться кинжалом в теле потерявших сознание людей, скотина?..

Жрец скрипнул зубами от еле сдерживаемой злобы, от животного, непреодолимого страха. Кромешная тьма, кромешный ужас. Наконец факел вспыхнул. Камера осветилась неверными, прыгающими бликами. Леннар устремился к двери, за ним наместник Зембер. Пол загудел. Угол камеры вдруг провис, и стена, накренившись, стала осыпаться, обнажая пролом. Тяжело падали крошащаяся штукатурка и куски окаменевшего раствора, схватывавшего каменную кладку. Леннар вскинул глаза и увидел, как по потолку пробегает черная трещина, ширится и удлиняется, а потом громадная

плита изламывается, и кусок перекрытия, выворачиваясь из толщи камня, громоздящегося над головой, падает, чтобы сделать из тюремной камеры – погребальную.

Наверное, им, *оставшимся* в ней, показалось, что снова потушили свет.

Так трудно проснуться...

– Кто я?

Ничего подобного не знал тот, кто проснулся и увидел перед собой серую обшарпанную поверхность, мутную, покрытую толстым слоем пыли, но все же полупрозрачную. Человек поднял глаза и попытался определить, где он нашел себя в таком незавидном виде. На белом камне рядом со странным прозрачным саркофагом, который он никак не мог опознать, оказалась диковинная блестящая табличка с каким-то коротким словом. Он сумел прочитать это слово: ЛЕННАР. Слово неожиданно понравилось ему, и он решил считать это слово своим именем. Человек не знал, ни что означает это слово, ни откуда оно оказалось на странном, неописуемо древнем саркофаге. Просто – понравилось. Леннар. Звонкое, благозвучное слово, будто бронзовый наконечник копья упал на мраморную плиту. Человек, присвоивший себе имя, огляделся. Место, где он проснулся, было запущено, везде лежал толстенный

*слой пыли, который, казалось, не убрали целую вечность. Вечность? Это слово всколыхнулось в проснувшемся человеке – так, как оперенный комок глины становится вдруг живой птицей. Он понял, что совершенно не знает, ни кто он, ни где он, ни **когда** он. К тому же на нем не было никакой одежды, при нем не было пищи. Поэтому человек решил идти и найти все это...*

1

Да уж... ежели не везет – так не везет совсем. Никогда еще поездка на ярмарку не была для Ингера настолько неудачной. Сегодня утром он, как обычно, приехал в Ланкарнак. Нынче был Храмовый день, так что крестьяне из окрестных деревень с самого утра потянулись на центральную площадь города, а те, что из дальних, вообще приехали с вечера и заночевали прямо на оплаченных местах. Городские торговцы также занимали торговые ряды, раскладывая по прилавкам предназначенные на продажу товары. Конечно, ярмарки в Ланкарнаке устраиваются каждый десятый *свет*, но столбольшая, как сегодня, случается только по Храмовым дням. И если окрестные крестьяне всегда могли продать свой товар на какой-нибудь малой ярмарке из тех, что бывают на десятый свет, то жители дальних, у самого *Края мира*, деревень, откуда до Ланкарнака надо было добираться целый свет (или даже свет и *темень*), как правило, появлялись только на Храмовые дни. Впрочем, Ингер, несмотря на то что до его деревни было, в общем-то, рукой подать, предпочитал также появляться только на больших ярмарках. Он всегда имел прибыль. Особых конкурентов у Ингера не было. Ну не считать же конкурентом толстяка Кабибо, который жил еще ближе к городу, практически сразу за *стражной будкой*. Он бы непременно поселился *по эту* сторону будки, да только

заниматься кожевенным ремеслом в городе не дозволялось. Еще бы: когда кожи дубеют в чанах, от чанов распространяются такие запахи, что у неподготовленных прохожих желудок наизнанку выворачивает... Так что Кабибо непременно выставлял свои кожи на продажу на каждой ярмарке. Но знающие люди уже давно предпочитали не связываться с товаром Кабибо. Потому как получить от толстяка качественный товар можно было только при большой удаче. А цену он драл нещадно... Как можно было испортить хорошие шкуры, Ингер не догадывался. Возможно, Кабибо во время выделки кож частенько прикладывался к бутылке или даже выливал веселящую влагу в дубильный чан (хотя сердце Ингера и восставало против такого разбазаривания пьянящего напитка), потому что никак иначе объяснить результат его усилий невозможно. Ну, как бы там ни было, знающие люди уже давно поняли, что брать кожи у Кабибо – себе в убыток, поэтому, если не было острой нужды, большинство предпочитало дожидаться Храмовой ярмарки и прикупить кож у Ингера. Так что обычно к обеду тележка кожевенника была пуста. А Кабибо, благоухая дешевым кислым вином, громко вопил, призывая стражников «остановить разор» и «защитить добрых мастеров». За что частенько и получал по толстой складчатой шее.

Обычно... но только не сегодня.

Сегодня почему-то все складывалось по-другому, хотя никаких предпосылок для этого не было. Собственно, Ингер

не мог даже в уме завернуть такую фразу: «предпосылок не было»; он, как и полагалось представителям его сословия ремесленников, не вполне сносно владел языком, да и вообще, кажется, был не очень умен. Так, во всяком случае, утверждает сельский староста Бокба. Но – «вне зависимости от всего вышеперечисленного», как важно говорил тот же староста, – Ингер никак не мог продать сегодня свой товар. Покупатели проходили мимо него прямо к Кабибо и на глазах озадаченного Ингера покупали тот же товар, только худшего качества и по более высокой цене. К чему бы это?..

Здоровяк ремесленник прогулялся до воза Кабибо, пытаясь понять, что за товар тот привез на ярмарку на этот раз. Но нет, все было как всегда, кожи Кабибо выглядели так, будто готовы были расползтись в руках, да и воняли как обычно. К полудню продав едва ли полдюжины кож случайным покупателям, он решил пойти к распорядителю торгов и узнать, не выдали ли ему желтую карту. Желтая карта полагалась недобросовестным торговцам, поставлявшим плохой товар или пытающимся не заплатить налог в доход города. Ингер ничего подобного за собой не числил, но мало ли накладок, а человеку вообще, как известно, свойственно ошибаться...

Однако он не успел осуществить свое намерение – к нему подошел стражник. Ингер знал этого типа уже давно и так же давно усвоил, что самое лучшее – не обращать на него внимания. Тот был нудлив, привязчив, туп, но... какое-никакое

начальство. Так что – не пошлешь. Лучше делать вид, что просто не замечаешь. Но сегодня стражник просто заставил себя заметить.

Он носил идиотское имя Хербурк. Бряцающая длинной, до земли, саблей в обшарпанных ножнах, время от времени звывавших о вымощенную грубым камнем дорогу, он приблизился к Ингеру и выцедил сквозь желтые лошадиные зубы:

– Как торговля?

– Да так, – неопределенно ответил Ингер, не понимая причины внимания стражи ярмарки к своей скромной персоне. Обычно он не заслуживал никаких знаков благоволения, помимо мимолетного «деревенщина!».

– Очень хорошо, – сказал Хербурк. Эта скотина была явно чем-то очень довольна. Стражник поправил саблю и выставил бок, на котором эта сабля болталась. Оружие было гордостью Хербурка: сабля полагалась ему как начальнику стражи, у прочих были только палки. Да еще пара копий на всю братию, причем копья большей частью использовались как те же палки. – Очень хорошо, – повторил Хербурк. – Ну-с, а налог на торговлю ты, конечно, не заплатил?

– Отчего не заплатил? Заплатил.

– Так. Значит, нарушал правила, установленные Малой хартией частной торговли?

– Отчего нарушал? Не нарушал, – покорно ответил Ингер.

Стражник почему-то обозлился, его рожа пошла красными пятнами. Он замотал лохматой башкой, на которой с

ловкостью собаки, оседлавшей забор, сидела внушительная шапка из ослиной кожи. Тут же на всю ярмарку раздался дикий крик:

– Да что ты такое плетешь, паразит и выкидыш ослицы?! Почему же в таком случае ко мне сегодня в стражное помещение зашел господин Ревнитель, да-да, *сам господин Ревнитель* из Храма Благолепия? Он сказал, чтобы я взял тебя... мм... – Хербурк со скрежетом почесал в затылке, припоминая сложное для себя выражение, которое употребил Ревнитель. Вспомнил: – Чтобы я взял тебя на заметку. Вот так. – Гордый собственной памятью и интеллектом, стражник Хербурк внушительно прокашлялся.

Ингер вылупился изумленно:

– Господин Ревнитель?!!

Хербурк побагровел:

– Да ты что, деревенщина, мне не веришь? *Мне?! Базарному стражнику! Опоре порядка и стражу достоинства! Не веришь?!*

– Нет-нет, что вы, господин стражник, я никогда... то есть и в мыслях не было... – забормотал Ингер, лихорадочно раздумывая над словами стражника.

Что ж, теперь утренние убытки вполне объяснимы. Хербурк, с утра слегка приняв на грудь, не преминул поделиться фактом (и, естественно, содержанием) своей беседы с самим Ревнителем со всеми окружающими. Еще бы! Если уж с Хербурком заговорил *сам* господин Ревнитель... Ох! Та-

кое нечасто случается. А новости на рынке распространяются молниеносно. Вот местный люд и поостерегся. Мало ли... Ревнителю просто так никем не интересуются, так что того и гляди... Только с чего Ревнитель заинтересовался Ингером? Что он такого натворил-то? Кожевенник торопливо вытер мгновенно взмокший лоб...

Между тем стражник продолжал разоряться:

– Наверное, ты бунтовщик или того хуже... – Хербурк огляделся по сторонам и, оценив собравшуюся толпу, выдохнул, скаля зубы и старательно выговаривая слова: – *Еретик!*.. А знаешь, что бывает с теми, кто впускает в себя *Скверну*? Конечно, знаешь!

Слова «еретик» и «Скверна» вряд ли входили в лексикон милейшего стражника Хербурка до этого дня; скорее всего, ярмарочный охранник сам до смерти перепугался, увидев перед собой грозного храмового Ревнителя, и со страху выучил все слова и понятия, которыми оперировал неожиданный визитер из Храма Благолепия.

– Значит, так, – Хербурк махнул рукой, – мне велено за тобой присмотреть. Забирай весь свой товар и идем в стражное помещение. Там сдашь товар на хранение, пока мы не разберемся с твоим делом.

Ингер тяжело вздохнул. Ну раз не везет, то не везет. Ох!.. И так торговлишки никакой, а тут, чего уж там, совсем с товаром расстаться придется. Каждому известно: стоит чему-то попасть в стражное помещение, можешь с этим распрощать-

ся. Ингер вздохнул еще раз. Теперь, верно, и припасов вот не прикупишь, и с *«пальцем Берла»* в мирской придел Храма не сунешься, не на что... А куда деваться – против властей не попрешь. Если уж тут каким-то боком затесались храмовые Ревнителю, то ноги бы унести... Это Ингеру вбили в голову с малых лет. С Храмом Благолепия не пошутишь и прощения не вымолишь. Господа Ревнителю – это такая силища, у-у-у... Не говоря уж о том, что в Ревнителю подбирают парней навроде самого Ингера. А Ингер, как настоящий кожевенник, обладал атлетической фигурой, мощными, налитыми силой плечами и такими же мышцами, которые прорисовывались даже под его бесформенной – не ах какой, ясное дело! – из недорогой ткани одеждой, в нескольких местах заплатанной грубо выделанной кожей. Неказистой, но очень прочной. Так вот, Ревнителю еще и обучают так, что аж жуть, припомнил из уроков детства несчастный кожевенник...

– Идем!

Они прошли между рядами лотков, на которых приехавшие на ярмарку расположили свой немудреный товар. Как и полагалось, ярмарочный торг производился громогласно, с многочисленными и увлекательными спорами, даже с переталкиваниями между продавцом и его потенциальным покупателем. Кое-где доходило до вполне осязаемых потасовок; впрочем, практически сразу же буяны били по рукам и договаривались, ибо буянить на рынке выходило себе дороже

– ушлые стражники быстро наводили порядок, попутно взимая штраф за нарушение порядка на торгах, ну и... слегка облегчая прилавок торговца. Но вот что примечательно: везде, где бы ни проходили стражник Хербурк и его незадачливая жертва, споры и перебранки тотчас смолкали. Словно чья-то большая властная рука стирала улыбки и энергичные гримасы с лиц самых завзятых торгашей и буянов, закрывала рты, умеряла жесты. Большинство пугливо, подозрительно косилось на Ингера и его товар: повозку, изрядно нагруженную кожами, которую тащил откормленный осел. Ингер собирался продать и его и повозку, чтобы не гонять животное порожняком до своей деревни. Теперь, видно, не придется, и упитанный лопоухий бедняга достанется кому-то из этой ненасытной братии, ярмарочной стражи.

Хербурк провел Ингера вдоль обшарпанной каменной стены до узких ворот, одна створка которых была закреплена намертво, а вторая чуть приоткрыта, но так, что не прощмыгнул бы и не особо жирный кот. За воротами находилось стражное помещение, в котором рыночная стража ревностно и бдительно несла свою службу, а именно: играла в кости, дула вино и сквернословила. Иногда и шлюх таскали, на этот случай в дальнем углу был брошен тканевый тюфяк.

Впрочем, при приближении Хербурка и Ингера обе створки ворот тут же были распахнуты настежь. Хербурк пробормотал:

– Они что, перепились там все, что ли? Это ж любой бро-

дьяга пролезет к нам... туда. Вот бараны!

– Сюда его! – прогремел чей-то бас. – С ослом вместе, с товаром!

И по тому, как въехала голова стражника Хербурка в рыхлую линию плеч, кожевенник Ингер понял, что бас принадлежит кому-то гораздо более важному, чем сам стражник Хербурк.

Намного более значимому.

Младший Ревнитель ланкарнакского Храма ждал Ингера в единственной комнате, в которой располагался кабинет начальника базарной стражи. Хербурк, назвавший эту вонючую комнатенку стянутым откуда-то пышным словом «кабинет», остался опасливо переминаясь с ноги на ногу во дворе стражного помещения. Ревнитель сидел за громоздким, в нескольких местах исцарапанным столом из темного дерева. Судя по грубому виду, этот стол был сделан уже после *Исхода*, ибо древние вещи отличались не в пример большим изяществом (да и прочностью тоже). Перед Ревнителем лежал какой-то свиток. В тот момент, когда, ссутулившись, в помещение вошел Ингер, служитель Храма мрачно рассматривал свиток, время от времени разворачивая его, изучая содержимое и снова сворачивая. Более искушенный наблюдатель понял бы, что Ревнитель сам толком не знает, что он выискивает в этом свитке, и к тому же чрезвычайно напряжен. Но Ингеру, простому кожевеннику, да еще чрезвычайно напуганному, понятно, было не до этих тонкостей.

Ревнителя звали Моолнар. Точнее, омм-Моолнар. Как и у всякого храмовника, у его имени была уважительная приставка «омм», означавшая «святой брат». Он был довольно-таки молод и по-своему добродушен, насколько это вообще возможно для человека его положения и рода занятий. Но сейчас его настроение и ситуация, в которой он находился, менее всего располагали к добродушию и снисходительности.

– Ага, явился, – небрежно сказал он, взглянув куда-то поверх лохматой головы Ингера. – Ты там не мнись. Подойди сюда. Встань здесь. Вот так.

– Слушаю тебя, господин, – выдавил Ингер, перед глазами которого вся незамысловатая жизнь его промелькнула, как содержание этого свитка, примятого на столе мощной рукой могущественного Ревнителя. – Вот, приехал на ярмарку. Торгую. Я ремесленник. Простой человек, грамоте не обучен. И не знаю, как... чем... из-за чего такой... такой, как вы, как-то... велел меня привести и... вот.

– Ясно, – прервал его младший Ревнитель Моолнар. – Как ты сам понимаешь, крестьянин, я не стал бы тратить на тебя время, да и на этого тупого сына осла и овцы... я имею в виду Хербурка, тоже, если бы не серьезные причины. Так что потрудись отвечать на все мои вопросы. Причем честно и откровенно. А иначе... – Тут Ревнитель сурово насупил брови и грозно посмотрел на Ингера.

Ох, лучше б он этого не делал! Кожевенник затрясся всем

телом и привалился спиной к стене. Он был отнюдь не трусливым человеком, более того, в своей деревне он прославился тем, что в один прекрасный вечер убил взбесившегося быка, принадлежавшего кузнецу Бобырру, известному буяну, а потом ударом кулака усмирил и самого владельца упокоенной животины, которого боялась и уважала вся деревня. Но перед взором младшего храмового Ревнителя усмиритель бешеных быков и их хозяев перетрусил не на шутку и потерял дар речи: уж больно сурова была слава Ревнителей, карающего органа Храмов! И слишком мрачны слухи, которые распускали о том, как именно поступают с нарушителями святой веры и с теми, кто злословит богов и их служителей. А также о ужасных подвалах, где грешников и еретиков подвергали нескончаемым мукам, дабы выдавить из них эту... как ее... Скверну... и все для их блага, конечно, чтобы могли они предстать перед Святой Четой и самим пресветлым Ааааму чистыми и непорочными, аки агнцы...

– Эй, ты, поспокойнее!

Выбивая зубами крупную дробь, Ингер выдавил:

– Ну все... если вы, господин, призывали меня сюда, значит, мне конец!.. Конец, конец! Бедный, бедный я дурень! Наверное, это толстый Кабибо донес на меня, чтобы... чтобы я...

– А что толстый Кабибо? – насторожился Ревнитель. – Что это за скотина такая?

– Он... он продает кожи и завидует мне... потому что его

кожи... его кожи гораздо хуже выделаны, чем мои, и потому у меня охотно покупают товар, а его товар не берут, да еще иногда ему самому хорошенько вешают по шее!.. И теперь... наверное, он наклеветал, донес на меня, хотя я ровно ни в чем, ни в чем не виноват! – продолжал причитать Ингер. Мысленно он считал себя трупом и только сожалел, что не женился на своей невесте в прошлом месяце. Хоть что-то хорошее в жизни. – Только позвольте мне самому покаяться... позвольте я... я пожертвую Святой Чете левую... нет, правую руку! И глаз, еще и глаз! Я знаю, они благоволят искренне раскаивающимся... – Ингер набрал воздуха в свои могучие легкие и взревел, как большой королевский рог: – Раскаиваюсь я! Воистину раскаиваюсь!

– Не ори! – истово рявкнул Ревнитель, прочищая пальцем ухо, которое заложило. – Не ори, я тебе сказал! Я всего лишь хотел узнать у тебя...

– Мне конец, конец!.. – зарыдал огромный кожевенник, уже не слыша своего грозного собеседника.

Моолнар понял, что если он надеется достучаться до рассудка перепуганного простолюдина, то должен предпринять нечто необычное, экстраординарное. Иначе этот кожемяка признается в чем угодно, да хоть в том, что в сговоре со своим ослом замышлял попытку нападения на чертог самого Стерегающего Скверну, главу Храма. Для того чтобы добиться от бестолковой деревенщины хотя бы просто связной речи, надо придумать что-то из ряда вон выходящее.

И он решился. Ему нужно любой ценой снять показания с этого ополоумевшего от страха здоровенного деревенского кретина, иначе и самому омм-Моолнару не поздоровится! Младший Ревнитель Моолнар торжественно выпрямился во весь свой немалый рост. Его лицо потемнело от нахлынувшего напряжения, когда он, сделав над собой явное усилие, вымолвил:

– Я клянусь *Святой Четой*! Если ты честно расскажешь мне все о том, что нового происходило в твоей деревне за последние шесть дней, и особенно на той ее окраине, что находится ближе всего к Проклятому лесу... то я отпущу тебя со всем твоим имуществом и дам распоряжение раскупить его как можно быстрее... а тебе не причиню никакого вреда.

Вот тут и произошло... Ингер захлебнулся собственными соплями и затих, уставившись изумленно на господина Ревнителя. Сначала он не поверил своим ушам, а увидев лицо собеседника, уже не поверил своим глазам. Потому что выражение этого лица не оставляло сомнений в том, что *эти* слова прозвучали. «Клянусь *Святой Четой*!»! Никто не смел произносить такой клятвы без крайней надобности. Малейшее нарушение, даже легкое отступление от того, в чем поклялись этим священным *двойным* именем, каралось незамедлительно и страшно. Каралось смертью, и она была мучительной и дикой. Ревнители, высшая надзирающая и карающая сила, следили за этим, и даже глава Храма, Стерегающий Скверну, не мог позволить себе изменить этой клятве. Более

того, для такого высокопоставленного храмового иерарха, как Стерегающий Скверну, в случае нарушения клятвы Святой Четой полагался особый ритуал низложения. Причем начинался этот ритуал покаянием, включавшим в себя, например, то, что его губы намазывались смесью его собственной крови с ослиным калом, а потом... страшно и помыслить, что происходило дальше. Если даже самый могущественный человек посмел произнести подобную клятву...

Боги!

А тут младший Ревнитель, лицо, облеченное огромной властью, наделенное огромными полномочиями, дает эту клятву. И кому?.. Простому ремесленнику, кожемяке, ему, работяге Ингеру! Ах, отчего не хватает ума понять что к чему?.. Что же толкнуло Ревнителя Моолнара на подобный шаг, неслыханный, немыслимый в такой простой казалось бы ситуации?.. Тяжелое сомнение закопошилось в голове Ингера, и оно было даже более угнетающим, чем страх. Значит, этот Моолнар рассчитывает узнать от него, Ингера, что-то очень важное, и применение клятвы Святой Четой закрывает Ингеру путь ко лжи, даже если бы он выгораживал родного отца или мать! Никто, никто не мог лгать при применении этой клятвы – ни тот, кто ее давал, ни тот, кому ее давали!!! По крайней мере, так думал темный крестьянин-ремесленник Ингер, и он похолодел, услышав последние слова Ревнителя, похолодел и почувствовал, как у него окончательно отнимаются руки и ноги. Впрочем, чего терять?..

Ведь Ингер уже причислил себя к сонму мертвецов. Ведь этот Ревнитель дал самую сильную клятву, и ему самому не поздоровится, если он нарушит... Святая Чета и те, кто блюдет скрепленные ее именем клятвы, никому не прощают... да и соглядатаев и наушников тут, верно, полным-полно. Полбазарной стражи толпится за тонкой дощатой дверью, обитой ослиной кожей.

Во взгляде Ингера начала проявляться некоторая осмысленность. Ревнитель же ждал, сжав губы так, что они образовали на его окаменевшем лице одну жесткую кожную складку.

Ингер отлепил язык от гортани. Прокашлялся и дрожащим голосом выговорил:

– Господин, я буду говорить так же правдиво, как только... научили отец и мать. После того что вы мне сказали... Но я не знаю, не ведаю, что вам отвечать. За все это время в моей деревне не произошло ничего такого, что бы могло вас заинтересовать. У нас... мы... У нас маленькое поселение, половина жителей – моя родня, вторая половина... ну, можно сказать, тоже. Мы все друг друга знаем. А если что... так болтливый дурачок Пепе ходит по деревне и мелет языком, и что не знают сельчане, разузнает Пепе и тотчас же раззвонит по селу. Господин, я должен рассказать все?

– Да, все.

– Даже... например, то, что ночью жрец ланкарнакского Храма, в котором вы состоите Ревнителем, вылезал от жены

кузнеца Малисы?

В ином случае Ревнитель мгновенно обвинил бы Ингера в клевете и привлек бы его к суду за злоречение в адрес служителя Храма. В самом деле, какой-то кожевенник станет болтать неприличные вещи о белом жреце! Но сейчас младший Ревнитель прекрасно знал, что Ингер не может солгать. Моолнар сжал огромные кулаки и глухо произнес:

– Даже это. Все, что происходило в твоей деревне в последние дни, даже то, разродилась ли твоя овца и сколько принесла она приплода!..

Дважды перепуганный стражник Хербурк (в ужасе отскочивший от двери, едва услышав страшную клятву) переводил клепсидру, водяные часы, исчисляющие время, на которое Ревнитель уединился с глазу на глаз с кожевенником Ингером. Его рука собралась было сделать это в третий раз, как хлопнула дверь и появился Ревнитель. Моолнар не выглядел ни довольным, ни разочарованным, но в его облике было явно меньше напряжения, словно исчезло нечто, мучившее служителя Храма. Он быстро взглянул на стражника Хербурка и двух его коллег, выглядывающих из-за угла. Хербурк изогнулся и, сняв свой форменный головной убор из грубой ослиной кожи, угодливо спросил:

– Ну что же, господин Ревнитель, этот сын ишака и собаки вам больше не нужен?

Омм-Моолнар передернул могучими плечами и, не удостоив Хербурка ответом, направился к выходу. Стражник

хмыкнул и добавил вдогонку:

– Так куда его – под арест до дальнейших распоряжений?

Немедленно Хербурк пожалел, что вообще это спросил. Никогда не суйтесь с необязательными ремарками к суровой касте Ревнителей благолепия! Даже если у вас совершенно чистая совесть и ни одного греха на личном счету (а уж о страже Хербурке этого точно нельзя сказать!). Младший Ревнитель Моолнар остановился у самого порога, повернул голову и бросил через плечо:

– Даже не смей и думать. Отпустишь его. Понял? И чтобы потом до меня не дошло никаких жалоб. А то поди уже весь товар его поделили, скоты?

Лицо рыночного стражника вытянулось. Сначала он побледнел, потом побагровел. Ревнитель благолепия не без иронии наблюдал за этими метаморфозами. Наконец, Хербурк попытался растянуть рот в растерянной заискивающей улыбке, открыв желтые неровные зубы.

– Но как же так, госпо...

Договорить ему было не суждено. Омм-Моолнар выхватил из-за своего красного, расшитого хитрыми письменами пояса богато украшенный кинжал и, взмахнув им, закричал со всей строгостью, отпущенной ему богами и полномочиями:

– Клянусь задницей одноухого осла, если ты не отдашь этому кожевеннику Ингеру его товар или если убудет хоть одна выделанная кожа или хоть один дурацкий башмак, я

сделаю из тебя такую же дурацкую шапку, какая сидит на твоей пустой башке, кретин!!!

На сей раз Моолнар клялся совсем *по-другому*. Но незадачливому Хербурку вполне хватило и этого. Он попятился. Моолнар уже давно ушел, а Хербурк все еще стоял в ошарашенности. Он не понимал, как же так получилось, что Ревнитель благолепия не благословил его на честное расхищение конфискованного товара. Как, отдать этому Ингеру его вонючие кожи и полудохлого осла, демон их раздери?! Да не в кожах и осла дело, конечно, недоумевал Хербурк, а в принципе: почему это он, страж ярмарки, не может получить свою долю? Неслыханно! Самоуправство! А этот самодовольный Ревнитель, который отругал его, как мальчонку с базарной площади?! Какая наглость! Нет, поспешно одернул себя Хербурк, конечно, на то он и Ревнитель, чтобы... гм... Ничего, сейчас он отыграется на проклятом кожевнике Ингере за все свои несчастья!

Усвоив эту мысль, он схватился за свое брюхо и, придерживая ослабевший ремень, шатнулся было в комнатенку, где находился кожевных дел мастер. Но тотчас же наткнулся на самого Ингера, который как ни в чем не бывало выходил из двери. Хербурк заорал:

– Эй ты, деревенщина! Кто позволил тебе выйти? Тут без моего дозволения никто чихнуть не смеет, а ты!.. Кто тебя освобождал? Смотри у меня! А ну, ты...

Но такая была судьба стражника Хербурка, что он не су-

мел договорить вторую фразу кряду. Ингер прервал его спокойно и с достоинством, которое напыщенный стражник и не ожидал встретить в этом чертовом мужлане, с его простецким лицом и бедняцкой одеждой:

– Вы поспокойнее, господин Хербурк. Поспокойнее. А то при вашем телосложении вас может вдруг хватить удар, и помрете, не успев пикнуть. Во дворе у моего соседа вот так, от злобы и ожирения, околел старый боров. Удивительно похож на вас. Угу. Этот боров не ваш родственник? Кстати, об этом борове я только что рассказывал господину Моолнару. Господин Моолнар вообще очень подробно расспросил меня об этом дельце, да и вообще обо всем, обо всем, что у нас в деревне творится.

Последним фразам Ингера стражник уже не внял. «Боров», «околел», «злоба и ожирение»! Никогда еще Хербурку не приходилось слышать подобной дерзости от какого-то мужика. Да он!.. Да я!.. Ах вот как! Да он, Хербурк, сейчас заставит кожемяку сожрать все его поганные кожи, а потом заставит этого мужлана... совокупиться с собственным ослом!.. И!..

Хм. Нет надобности говорить, что все эти трогательные эротические фантазии бравого стражника остались нереализованными и даже не озвученными. Ну не везло Хербурку в этот злополучный день! Ингер сказал:

– Младший Ревнитель благолепия из ланкарнакского Храма поклялся Святой Четой, что я выйду отсюда живым и

невердимым и что весь товар, повозка и скот будут возвращены мне в целости. Вам понятно, что вас ожидает, если вы помешаете мне в этом?..

Стражник разинул пасть. Грубо сработанная вставная челюсть вывалилась изо рта Хербурка и упала на грязные сапоги...

Ингер вышел, никем не задержанный, а огорошенный стражник еще долго стоял, разинув рот, пока один из сердобольных собратьев по службе не влил ему в пасть добрый глоток крепчайшей наливки, купленной в Лабо, пригороде Ланкарнака, кишашем ворами, шлюхами, грабителями, скупщиками краденого и прочими милыми и законопослушными парнями и девушками...

Благополучно продав товар, осла и тележку, Ингер устроился на телегу земляков, приезжавших на рынок по торговым делам. Теперь ему можно было только позавидовать!.. После его возвращения из стражного помещения торговля пошла не в пример бойчее. Народ, еще утром испуганно-равнодушно шмыгавший мимо него, теперь валом валил. Каждый норовил опередить соседа, нацелившись купить именно *эти* кожи и *это* кожаное изделие. Еще пара таких бесед с Ревнителем, и можно открывать собственную кожевенную лавку с маркой и развалистой надписью на входе: «Кожа от Ингера»!

М-да... Слегка оправившись от изумления, в которое поверг всех факт возвращения кожевенника от стражников без какого-либо убытка, народ повалил валом. Причем даже торговались как-то вяловато, больше с жаром расспрашивая: «А как?», «А что?», «А кто?» – принимая, впрочем, скупые и односложные ответы Ингера вполне благосклонно. Да и нечего болтать... Ревнители публика серьезная, так что знать о том, что происходило между ними и кожевенником *на самом деле*, никто не жаждал. Недаром умными людьми сказано: меньше знаешь – лучше спишь. Однако просто потолкаться рядом с героем столь необычного происшествия все одно было лестно. Поэтому и толкались, и платили сколько

запрашивал. Толстая Камрина даже пожелала расплатиться натурой. На счастье Ингера, покупательницу оттеснили вместе с ее сладкими прелестями.

Так или иначе, но последние два часа торговли с лихвой компенсировали Ингеру утреннее отсутствие покупателей. И за свои кожи он выручил не в пример больше обычного. Можно было подумать и о покупках: подарках домашним, новом инструменте. Да вот еще сестра просила зайти в лавку к травнику и купить какое-то хитрое снадобье... Ингер порылся по карманам, ища щепку, на которой сестренка выцарапала мудреное название лекарства. Да, еще!.. Отец просил – без особой, впрочем, надежды, – чтобы Ингер наведлся в мирской придел ланкарнакского Храма, в тот, что посвящен богу огня Берлу, и добавил бы силы «пальцу Берла». Если хватит доли от выручки... Отец Ингера гордился тем, что в их деревне было только три «пальца Берла»: у старосты Бокбы, у кузнеца Бобырра да у него, старого Герлинна, отца кожевника Ингера. Правда, сила в «пальце» давно иссякла, и требовалось добавить ее, да вот не было денег.

Теперь будет вам, ближние, и тепло и светло, торжествующе подумал Ингер и, спрыгнув с телеги, затесался в толпу. Впрочем, «затесался» – это громко сказано: все расступались перед ним. Даже опозоренный Хербурк не рискнул сунуться к Ингеру, хотя и знал, что денег у того сегодня как никогда много.

Миновав два квартала, Ингер остановился перед боль-

шим, мрачным, с лепным фасадом зданием. Вход в него был украшен двумя каменными статуями, изображавшими бога огня Берла, или, как витиевато именовали его жрецы, «тепло между пальцев у Ааааму». Служители Храма поднаторели в теологических диспутах, а вот Ингеру было совершенно все равно, какие места грел Берл великому и светonosному богу. Он пришел сюда, чтобы вдохнуть силу в семейную реликвию, потому как он может себе это сегодня позволить.

Две статуи Берла воззрились на него своими выпученными, как у жабы, глазами – кажется, неодобрительно. Ингер произнес короткую молитву и, склонившись, вошел в низенькую дверь. Вход в мирской придел Храма, посвященный Берлу, нарочно сделан таким низким, чтобы все входящие невольно склонялись. Даже невысокий человек не прошел бы, не склонив головы, что уж говорить о таком рослом парне, как Ингер.

Народу было немного. Несколько человек стояли возле громадного, в десять раз превышающего человеческий рост, глиняного изображения Берла. Все они, кажется, были горожанами. Ингер встал последним. Пока подходила его очередь, он разглядывал внутренний покой придела Храма. Тут было сумрачно, прохладно и тихо – разительное отличие от того, что творилось на шумных, дымных и душных улицах Ланкарнака. Пахло тут, впрочем, тяжело и дурно: то ли прогорклым маслом, то ли перегретым железом, на которое плеснули вонючую болотную тину... Собственно, к са-

мому Храму придел Берла имел мало отношения: громада главного культового здания, резиденция самого Стерегащего Скверну, была где-то там, в центре города... Там Ингеру и бывать-то не приходилось. Да и тут, в приделе Берла, он лишь во второй раз.

Очередь Ингера между тем подошла. Высокий жрец, что-то жуя, невнятно потребовал плату и, кажется, даже удивился, когда Ингер с достоинством подал ему требуемые монеты. Затем кожевенник аккуратно потянул из своего кармана «палец Берла», тщательно завернутый в отрез мягкой, хорошо выделанной телячьей кожи. «Палец» напоминал несильно изогнутый бычий рог, однако же, судя по весу, был сработан из металла (тускло-серебристого, шершавого на ощупь) не только снаружи. Как устроена семейная реликвия, передававшаяся (как и во многих семьях) от отца к сыну, Ингер не знал и знать не хотел. Ему достаточно было, что эта штука помогает сильно экономить на дровах. На зиму хватает тепла, если до отказа влить в «палец Берла» силу. Так говорит отец, а Ингер привык верить отцу. Только вот возможности проверить, истинны ли его слова, как-то не было.

Теперь – есть.

Жрец взял у Ингера «палец» и сунул его острой оконечностью в одно из множества отверстий на «ладони» изваяния бога. Собственно, ладонью это можно назвать с большой степенью условности. Статуя бога Берла была крайне нелепой формы, частью глиняная, частью из тесаного камня, а кое-

где – в особенности в средней части изваяния – проглядывал металл. От общего массива статуи отходили по самому полу две «руки», оконечности которых и именовались ладонями. Ладони представляли собой тумбообразные возвышенности, затянутые черной тканью, в которой были прорезаны дыры. Примерно по полсотни в каждой из «ладоней».

Из пары отверстий в груди божества (высоко, почти под потолком) шел теплый вонючий дым. Откуда-то доносился непрерывный гул, то почти утихающий, то разрастающийся до рева, от которого вибрировали плиты пола и стены.

В общем и целом статуя бога Берла представляла собой малосимпатичное сооружение, и потому Ингер обрадовался, когда провонявший местными миазмами жрец передал ему теплый «палец» и напутствовал:

– Иди! Теперь надолго хватит... Печку топить не надо и воду греть не надо, деревенщина!

Еще два часа ушли на покупки. Зашел Ингер и к травнику за снадобьем. Когда он вернулся к своим товарищам, те хором объявили, что и не чаяли его сегодня увидеть.

– Мы думали, что ты на радостях-то нажрался винища в кабаке и уже лежишь в постельке с теплой сдобной бабой! – огласил ему мнение общественности весельчак Лайбо. – Ну-ка дыхни... Э, мужики, да и он и не пил! Трезвый, как наш староста!

Ингер промолчал.

Едва телега миновала стражную будку на выезде из го-

рода, народ принялся было подбивать Ингера все-таки обмыть удачный торговый день. Раз он такой недогадливый!.. Но Ингер только молча покачал головой и шумно вздохнул. Товарищи подобного отступления от традиции в общем-то не одобрили, но настаивать не стали. Сидящий рядом с Ингером дед Кукинк жестом дал понять своим молодым спутникам, чтобы не лезли и утихомирились. У человека, чать, такое дело закрутилось, пусть отойдет, отмякнет, а там уж и... опять поспрошать можно. Пока же пусть себе посидит...

А Ингер крепко зажал подбородок в кулаке и наморщил лоб. Да уж... Ни один из сельчан не мог даже и близко похвастаться тем, *что* произошло с ним сегодня. Большая часть жителей родной деревни Ингера вообще знала о грозных Ревнителях благолепия только понаслышке. А тут... Клятва! Страшная клятва, которую нельзя нарушить, вне зависимости от того, кому она давалась, жалкому бедняку или могущественному правителю! Что, что же вынудило младшего Ревнителя благолепия пойти на такой шаг? Какое отношение имеет муравьиная суeta родной деревни Ингера к интересам Ревнителей и делам церкви и государства? Ингер, с его довольно ограниченным, хотя и по-мужицки практичным умом, не мог представить этого.

От этих мыслей у кожевенника даже начала побаливать голова. Поэтому он на полдороге перестал думать о младшем Ревнителе благолепия Моолнаре и наконец принял предложение попутчиков. Телега притормозила у ближайшего

Столпа Благодарения (того, что возле загородного трактира старика Клеппа), Ингер бросил в прорезь несколько мелких монет и получил большой кувшин, в котором бултыхалось не меньше пяти *кляммов*³ кисловатого вина. Столп Благодарения, похожий на одноглазого железного великана с огромной дырой вместо брюха и двумя прорезями для монет вместо глаз, кажется, даже чуть пошатнулся от могучего тычка, которым наделил его при этом Ингер. Явление кувшина было встречено земляками восторженным воплем, а все тот же весельчак Лайбо возопил:

³ 1 клямм равен 0,8 литра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.